

18+

Смертельная вахта

На шельфе



Алексей Амурский

Алексей Амурский

На шельфе. Смертельная вахта

«Издательские решения»

Амурский А.

На шельфе. Смертельная вахта / А. Амурский — «Издательские решения»,

Молодой энергетик вынужден ездить по вахтам на Крайний Север, чтобы иметь достойную зарплату. Смена работы, и вот Аркадий Солнцев работает на нефтяной платформе на шельфе Каспийского моря. Аварии, одна за другой, ничто перед глобальной катастрофой — нефть оживает. Она поглощает нефтяников на платформах, а вскоре и весь мир оказывается под угрозой... Книга содержит нецензурную брань.

© Амурский А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие.	8
Глава первая.	10
Глава вторая.	24
Глава третья.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

На шельфе Смертельная вахта

Алексей Амурский

Корректор Мария Черноок

© Алексей Амурский, 2026

ISBN 978-5-0069-9882-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Представьте себе стального гиганта, застывшего среди ледяных волн. Морская ледостойкая платформа — это не просто кусок металла, это целый мир, где каждый день идёт борьба со стихией. Но не железо делает эту историю уникальной, а люди, которые здесь работают. Те, кто своим трудом доказывают, что человеческая воля крепче любой стали.

Морские нефтегазодобывающие платформы — настоящий лабиринт опасностей. Здесь, на площади всего сто квадратных метров, как в слоёном пироге разместились:

- буровая установка — возвышающаяся над платформой и пронзающая земную кору;
- комплекс добычи нефти и газа — усыпанная фонтанными ёлками¹ спайдерная палуба;
- комплекс переработки до товарного состояния нефти и газа с ёмкостями и очистными установками — оплетают трубопроводами всю платформу;
- система транспортировки нефти и газа с насосами и компрессорами высокого давления более 160 атмосфер — транспортируют нефть и газ по подводным трубопроводам;
- энергетический комплекс с генераторными установками и с сетями распределения электроэнергии — оплетают платформу кабельными линиями, как лианы в джунглях.

То, что на суше располагают на огромном расстоянии друг от друга, здесь сжато до предела. В металлическом исполине с новейшими технологическими процессами, в непростых климатических условиях и будет происходить наша история.

Не буду называть точное место действия — подобные события могли произойти на любой нефтяной платформе или месторождении. Ведь правда жизни порой оказывается интересней любого вымысла, она скрывает необычные истории.

Знаете, что самое сложное в написании такой книги? Не превратить её в скучный производственный отчёт. Потому что будни нефтяников — это бесконечный день сурка: летом борешься с жарой (перегревом оборудования), зимой борешься с морозами (с промораживанием технологических трубопроводов и импульсных трубок). Такое читать — всё равно что изучать технический регламент перед сном. Поэтому я выбрал другой путь — погрузить читателя в сферу острых ситуаций и драматических моментов.

Но хочу предупредить, что написанная фантастическая история не имеет ничего общего с действительностью, хотя многие факты взяты из реальной жизни. За мою большую, яркую трудовую практику я видел многое, в том числе забавные случаи. Важно отметить: несмотря на то что в жизни всякое бывает, всё же это вымысел автора, здесь вы найдёте истории, очень приближенные к реальным событиям. На опасных производствах нет места шуткам с алкоголем — это вопрос жизни и смерти. На платформе и на месторождениях на Крайнем Севере действует строгий сухой закон. Хотя лёгкие моменты из жизни вахтовиков, конечно, проскользнут — как тёплые воспоминания героев. Эта книга — дань уважения всем, кто трудится в нефтяной и газовой отрасли: и тем, кто покоряет моря и океаны на шельфе, и тем, кто противостоит суровым зимам на севере Западной Сибири и Дальнего Востока. Людям, чей труд делает нашу жизнь комфортной, несмотря на все испытания, посвящена эта книга.

В Каспийском море несколько самых современных морских ледостойких стационарных платформ (сокращённо МЛСП), но описание на этих страницах нефтяных платформ не под-

¹ Фонтанная ёлка — наземное устьевое оборудование нефтегазодобывающих скважин, состоящее из фитингов, тройников, прямооточных шиберных задвижек, шаровых кранов, дросселей, фланцев и манометров. Предназначено для управления режимами разных технологических процессов.

разумеает ни одну из них. Люди, описанные в этой книге, связаны с шельфом и месторождениями на Крайнем Севере, но существуют исключительно в воображении автора.

Посвящается работникам нефтяной
и газовой промышленности.
Речь пойдёт не о железе, а о людях,
которые характером крепче стали.

Предисловие.

Инопланетная раса 645

По сводкам британского правительства под грифом «Совершенно секретно» инопланетная раса 645 вошла в контакт в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Название раса 645 им было дано из-за номера частоты, на которой они связались с британским правительством. Сами же себя инопланетяне никак не называли, обосновав это тем, что им очень нравится название: шесть, четыре, пять. Получив необходимую информацию от землян, раса 645 пообещала изучать Землю, но только наблюдением, а не вмешательством в ход событий на планете. После нескольких сеансов связь на долгое время прервалась.

Прошло в молчании сорок четыре года. И вдруг в две тысячи девятом году динамик ожил. На той же чистоте тот же металлический голос поприветствовал землян, словно связь прервалась всего на несколько часов. Инопланетная раса 645 повторно стала интересоваться достижениями в науке и технике. Переговоры с инопланетным разумом шли в форме допроса землян, о себе инопланетяне не сказали опять ничего. Они запросили подробное описание Земли, природных явлений, состава воздуха и общего состояния планеты, какие геологические процессы в данный момент проходят на нашей планете. Затем переключились на достижения в науке и технике, каких технологий в космической отрасли мы достигли и каким оружием массового поражения обладаем. Вопросы сыпались один за другим, словно на той стороне хотели выяснить о нас больше, зная, что связь снова может оборваться. Одним из вопросов, который их заинтересовал, был такой: «Какие энергоносители вы используете?»

Подробный ответ их поразил: использование нефти как основного источника энергии.

— В разных странах по-разному. Но если смотреть на Земле в целом, потребление первичных энергоресурсов такое: на первом месте нефть — тридцать два процента; затем уголь — тридцать процентов; природный газ — двадцать три процента; гидроэнергетика — семь процентов; атомная энергетика — пять процентов; возобновляемые источники с использованием ветра и солнца — три процента.

— Основной источник энергии — НЕФТЬ? Мы вас правильно поняли? — За всё время общения впервые голос изменился — в нём появилась эмоция. Прозвучало что-то между ужасом и удивлением. Это не только воспринималось в тембре голоса, но и почувствовалась электризация воздуха². В кабинете пыль закружилась, волосы у всех присутствующих поднялись в разные стороны от напряжения. Воздух стал плотнее, словно все присутствующие опустили с головой под воду.

— Да, именно так — на восемьдесят процентов используется нефть для передвижения транспорта и тридцать два процента — в энергетике, применяется нефть и её компоненты, дизельное топливо, бензин, керосин.

— На сколько лет хватит нефти на вашей планете?

— По статистическим расчётам, нефти хватит на пятьдесят лет.

— Вы хоть сами представляете, что вы делаете? — Голос звучал теперь как хор живых и механических голосов. Последняя фраза прозвучала как приказ: — Ваша планета — это живой организм, а нефть всё равно что кровь для живого организма. Выкачав всю нефть из недр, вы убьёте свою планету. Она очень быстро превратится в безжизненный камень, без воды и атмосферы. Вы должны прекратить добычу нефти.

² Воздух в комнате буквально был пропитан электричеством, такой эффект возможно создать люстрой Чижевского.

— Но, — попытался возразить кто-то из министров и схватился за голову, скривив лицо в гримасе, а из носа потекла кровь. Еле слышным голосом он прохрипел: — Мы не можем остановить на всей планете этот процесс.

Несколько секунд царила зловещая тишина, будто сама аппаратура боялась выдать малейший шум. Воздушные кулеры приборов шумели, словно огромные вентиляторы.

— Хорошо, мы вам поможем, — механический голос после минутного молчания прозвучал сухо.

В ту же секунду приёмники космической связи, находящиеся в радиоаппаратной, задымались. На осциллографе, следящем за силой сигнала, экран вспыхнул вспышкой, и он погас. Электропитание всего здания отключилось после резкого скачка напряжения. Освещение отключилось. Когда автоматически запустился аварийный генератор, во всём здании в работе осталось только отключённое оборудование. Включив резервную аппаратуру, тщетно искали канал связи — в эфире, кроме шума помех, никакого сигнала не было.

Все присутствующие в помещении ощущали одно и то же — будто кто-то могучий, чужой и древний посмотрел на всё человечество и принял за него судьбоносное решение.

Где он, ветер
Цвета вишнёвых лепестков?
Скрылся бесследно.
А скажут: «Земля как в снегу.
Есть ещё чем любоваться!»
Фудзивара-но Тэйка (1162—1241 гг.)

Катастрофы не случаются просто так,
они являются результатом цепочки решающих событий.

Глава первая. Вахта на Крайнем Севере

Вынгапуровская взлётно-посадочная площадка встретила нас с Эдуардом привычным пейзажем: песок, скудная растительность, отражающиеся в озере Тягамальто белые облака и погребальный камень на месте крушения вертолёт. Памятник с жертвами катастрофы всегда навевал волнение и тревогу перед предстоящим полётом. Я выгрузил вещи из машины и подошёл к нефтяникам, с кем предстояло провести месяц на вахте, поздоровался со всеми. Отметил про себя, что начальник промысла какой-то был мрачный сегодня. *«Интересно, что у него случилось?»* Из вежливости я не стал расспрашивать Вадима Петровича, захочет — сам всё расскажет. Вертолёт уже садился, подняв столб пыли, свистя турбинами и гремя редукторами винтов.

Быстрая посадка в вертолёт. Вещи сложили в центральном проходе большим кулём, а пассажиры расселись на лавках сбоку, спиной к иллюминаторам. Взлёт, вертолёт оторвался от земли, но подняться выше трёх метров не смог. Вторая попытка — *опытного военного вертолётчика не проведёшь*, отрыв от земли, наклон на сорок пять градусов вперёд, хвост вертолёт задрался вверх, машина стала набирать высоту и скорость. Поднявшись метров на пятьсот, вертолёт выровнялся. В нём разговаривать было неудобно, слишком шумно работали турбины и винты. Поэтому, когда лётчики стабилизировали полёт, коллеги показали друг другу большой палец и натянутые улыбки: *«Вроде всё хорошо — летим. Но главное теперь — при посадке не плюхнуться о землю»*.

Полёт над тайгой длился чуть больше двух часов — достаточно, чтобы сполна насладиться величественными таёжными просторами с высоты птичьего полёта. Осенью лесное море Сибири особенно прекрасно: оно переливается множеством красок — от глубокого изумруда хвойных массивов до золотисто-жёлтого и багрово-красного цвета лиственных рощ. По бескрайнему ковру тайги причудливо раскинулись узоры болот, зеркальные глади озёр и серебристые нити многочисленных переплетающихся речушек, словно кто-то небрежно разбросал драгоценности по зелёному бархату.

Из-за сосен показался факел. Вот и месторождение Холмисто. Вертолёт плавно приземлился. *Всё-таки бывших военных лётчиков не бывает*. Посадка в три часа дня. При выходе из вертолёт я встретил сменщика.

— Димон, привет, — протягивая свободную руку, поприветствовал я его, — как отработал вахту?

— Лучше и не спрашивай, полная о-па, сам увидишь, — хмуро ответил коллега. — Ладно, пока.

Проводив вертолёт, погрузили все вещи в подъехавший автобус-вахтовку на базе «Урала». Подошёл хмурый начальник промысла. Мне показалось, что после разговора со своим заместителем у вертолёт у Петровича брови опустились ещё ниже, а цвет лица потемнел.

— Сейчас ни одна скважина из пятидесяти не работает. Если мы за эту вахту не запустим хотя бы тридцать процентов, то всё месторождение закроют из-за нерентабельности. Володя, возьми дневную смену операторов, — обратился Вадим Петрович к мастеру добычи, затем повернулся ко мне. — А ты, Аркаша, возьми «шлюмбика» и сам переоденься, через тридцать минут выезжаем. Будем принимать вахту комиссией.

— Хорошо, Вадим Петрович, всё сделаем, — за всех ответил мастер.

— Ты меня не понял, Володя. Я с вами поеду. На месте определимся, что работает, а что нет. Ночью нужно будет направить подписанный акт осмотра. Теперь понятно? Выполняйте!

— Да, всё понятно. — Коллеги переглянулись — какие-то странные новшества, но возражать никто не посмел.

Я затащил чемодан в свой вагончик, бросил на кровать сумку с ноутбуком и метнулся к вагончику «Шлюмберже»³.

— Сергей, привет, — не дожидаясь ответа, выпалил я на пороге вагончика. — Собирайся, сейчас с начальником промысла по кустам поедем, принимать оборудование.

— Аркадий, привет. А... — Сергей не успел спросить, как дверь вагончика уже закрылась. — Окей! Вот и поговорили.

Через двадцать минут ждали у вахтовки, одетые в рабочую форму: в чёрно-синих робах, в белых касках и в прорезиненных сапогах. Комиссия — начальник месторождения, мастера по добыче, два оператора, электроник «Новомет» и электромеханик «Шлюмберже» — садились в машину. Начальник с мастером сели в кабину, остальные коллеги сели в кубрик, вахтовка завелась и тихо тронулась, покачиваясь на неровностях дороги.

— Сергей, давай рассказывай, что здесь происходит? — спросил я у «шлюмбика».

— Аркадий, я подробностей не знаю, раньше вас прилетел всего на два часа. Но от операторов слышал, что почти весь промысел стоит, а что случилось, пока не выяснил. Андестэнд?

— Пипец, как это вообще возможно? Мы же месяц назад уезжали — всё работало.

Дальше ехали молча. За окном мелькали деревья, под деревьями среди светлого ягеля были видны шляпки подосиновиков. На Ямале наступила осень, самое приятное время года. Это короткое время, когда сибирская тайга обильно кормит своих обитателей. Созревают кедровые орехи, все виды грибов, ягоды — морошка, брусника, ежевика, голубика, клюква. Главное — успеть собрать до начала холодов всё это богатство. Причём это касается не только людей, но и немногочисленных животных, обитающих в тайге. Медведь в эту пору наиболее опасен, ведь ему предстоит накопить жир для продолжительной спячки на всю долгую зиму. Но радоваться красотам природы было некогда.

Я повернулся к операторам.

— Может, вы поясните, что случилось?

— Из оперативного журнала успел прочитать только про первые сутки аварии, — стал пояснять старший оператор. — Неделию назад на ДНС⁴ прозевали уровень нефти в сепараторе, и нефть стала поступать в топливный газ на электростанцию. Турбины с броском напряжения захлебнулись и остановились. Пропало напряжение, через минуту энергетики запустили дизельные генераторы. Но мощности на все кусты не хватало, так как одна дизельная установка находится на капитальном ремонте⁵. Быстро её собрать невозможно. Электроэнергию подали только на первый и пятый куст. Не все частотные приводы включились, но даже на включённых скважинах давление стало снижаться. И дебет нефти стал падать на всём месторождении. По сводке через два дня работает только половина фонда. Какая сейчас обстановка, не знаю, не успел дочитать.

— Понятно, дело швах, — выразился оператор, сидевший рядом. — А если Петрович говорит, что весь механизированный фонд стоит, значит, остальные скважины тоже сдохли.

— На первый куст приехали! — сказал я, готовя чемоданчик с инструментом. Непроизвольно от злости, которая кипела внутри меня, я сжал ручки так, что костяшки пальцев побелели.

³ Schlumberger — крупнейшая нефтесервисная компания, ведущий мировой поставщик технологий для комплексной оценки пласта, строительства скважин, управления добычей и переработки углеводородов.

⁴ Дожимная насосная станция (ДНС) — технологическая часть системы сбора нефти и газа на промыслах и их последующей транспортировки.

⁵ Капитальный ремонт дизельного генератора длится один-два месяца, если есть все запчасти.

Я первым выскочил из кунга и молча направился к ростверку, на котором стояли станции управления погружными насосами. Вадим Петрович что-то хотел мне вдогонку крикнуть, но передумал, махнув рукой вслед удаляющейся фигуре, повернулся к стоявшему Сергею.

— Проверьте там всё. Может, получится что-то запустить, — и, обращаясь уже к операторам, прикрикнул на них: — Что встали? Пошли в обход по скважинам. Вперёд!

Начальник промысла быстрыми уверенными шагами направился к первой скважине, за ним засеменили два оператора. Мастер Володя тоже кинулся за начальником, но Вадим Петрович гневно развернулся и, выплёскивая накопившуюся злость, крикнул:

— А ты что за нами увязался? Думаешь, мы не справимся? Иди фиксируй показания приборов у подрядчиков.

Если бы Петрович крикнул на Володю при работающем оборудовании, то этого бы не было слышно даже с десяти шагов. А сейчас, когда на кусте ни одна скважина не работала, окрик начальника эхом прокатился по верхушкам сосен и растаял где-то в болоте. Володя развернулся и, опустив голову, поплёлся к ростверку. Он подошёл сначала к Сергею, тот ближе стоял к выходу.

— Нот! Пока никак, — ответил Сергей, записывая настройки защит станции. — Первый пуск не прошёл по превышению тока на частоте двадцать три герца. Второй пуск сделаю по регламенту через десять минут.

— Понятно, — хмурясь, сказал Володя и направился ко мне.

А у меня работа кипела. Я сначала проверил все уставки⁶, записал их в блокнот и стал вносить корректировки в настройках станции. Выставив номинальное напряжение на частоту в тридцать герц, я запустил станцию с плавным разгоном до этой частоты. На таких параметрах крутящий момент был на максимуме при сниженной частоте. Станция привычно запищала — приборы показывали максимально допустимый ток. Но вскоре писк сменился каким-то щебетаньем, словно кто-то внутриутробно хотел предупредить о чём-то. Сергей в этот момент носился по кусту взад-вперёд, *наверное, искал точку G*. У него шлюмберговский телефон спутниковой связи, по которому он постоянно связывался и спрашивал у руководства, что делать дальше, в общем, никакой инициативы. Но сигнал был нестабильный, поэтому нужно найти лучшее место для связи.

— Ну вот, насос работает, но пока токи высокие, — улыбнувшись, сказал я подошедшему Володе. — Ещё понаблюдаю, может быть, насос раскрутится и ток снизится.

— Дай бог, чтобы хоть эта ожила, — уже ни на что не надеясь, ответил Володя. — Я сейчас ничего записывать не буду, подождём результата.

— Пусть пока работает, пойду следующую станцию проверю. — Увидав Сергея, бегающего по кусту и держащего в вытянутой руке телефон спутниковой связи, я иронично подметил: — Смотри, Володя, не зря говорят: «шлюмбика» ноги кормят.

Я подошёл к соседней станции — словно к противнику, которого нужно одолеть. Сначала проверил уставки, сделал быстрые расчёты в голове. Пальцы дрожали, пока я выводил на панели те же параметры, что и на предыдущей станции. Оглянулся — никто не смотрит. Почти незаметно, будто пытаясь приручить дикого зверя, провёл ладонью по холодному, железному корпусу.

— Пуск!

Частота пошла вверх, но ток рванул следом — непропорционально, пугающе высоко.

— Давай! Давай же! — прошептал я, впиваясь взглядом в индикаторы.

⁶ Установленные параметры станции управления частотным приводом. Проверяются и настраиваются для оптимальной работы погружного электродвигателя (ПЭД) с центробежным насосом.

Секунда. Вторая. И — станция взвыла, запищала, словно коту на хвост наступили, и тишина. Она остановилась. На экране вспыхнуло безжалостно: «Высокие токи IGBT-модуля»⁷.

— Вот блин! Досадно, но ладно, — потеряв лоб и поправив каску, сказал я. Снова погладил станцию и, понизив голос, тихо произнёс: — Я к тебе ещё вернусь.

— Что-то не так? — спросил Володя.

— Похоже на то, что насос клинит, он даже не разворачивается.

— Значит, эту станцию выводим в капитальный ремонт, с заменой ЭЦНа⁸.

— Да, пока отмечаем на замену погружного оборудования.

Я подошёл к станции, которая была в работе. Ток снизился до нормы. Похвалив станцию, незаметно для Володи её тоже погладив, я вернул первоначальные настройки, снизив напряжение до номинального, настроил программу с плавным набором частоты с тридцати до сорока девяти герц в течение одного часа.

— Володя, отмечай: эта скважина восстановлена, через полтора часа нефть будет на поверхности.

Мастер сделал записи у себя в блокноте. А я уже настраивал третью скважину. Поколдовав над ней две минуты, нажал кнопку «Пуск». Знакомое щебетание частотного привода продолжилось чуть больше, чем на второй станции, но она тоже остановилась по превышению тока.

— Что, эту тоже в ремонт? — с грустью в голосе спросил Володя.

— Нет, с этой станцией придётся повозиться. У неё нет жёсткого клина. Я попробую её запустить чуть позже, пусть пока двигатель остынет.

— Хорошо, пойдём к следующей, нам нужно успеть все станции проверить.

Я стоял перед следующей станцией, словно перед стеной, которую следует пробить. Уставки в голове, цифры скачут, но я ловлю их, выстраиваю в ряд. Параметры — те же, что и на предыдущих станциях. *Всё должно сработать. Должно!* Протягиваю руку. Пускай все видят! Нежно провожу по корпусу. Как будто прошу: «Ну пожалуйста, не подведи». Дрожащим пальцем нажал кнопку.

— Пуск, — произношу я вслух, будто заклинание.

Запуск был успешным, постояв несколько минут, гипнотизируя приборную панель, так же через десять минут, не отключая станцию, выставил номинальный режим.

Через час работы можно было резюмировать, что из двенадцати скважин мне удалось запустить пять. Четыре скважины прокрутились, но остановились по перегрузу, их я обещал запустить в течение следующего дня. А три скважины выводим точно в ремонт, над ними можно ещё поработать после тех, которые прокручиваются. Обо всех операциях доложили Вадиму Петровичу.

— Молодец, Аркаша! Порадовал старика. — Под усами Вадима Петровича проскользнула улыбка, в глазах промелькнул блеск. — А у Сергея что? Есть положительный результат?

— Нет, станции молчат, как рыбка в пирожке, — ответил за Сергея Володя.

— Эх, Серёжа, Серёжа. Учись у Аркаши. У тебя на этом кусте всего пять скважин. И все в ремонт передаём?

— Сергей здесь ни при чём, — заступился я за конкурента. — В буржуйных частотных приводах нет регулировок параметров, кроме плавного набора частоты, и режима только два: аверс и реверс. А с увеличением или уменьшением частоты ток и напряжение меняются по строго линейной зависимости.

⁷ Аварийный сигнал об аварии по превышению тока на преобразователе частоты.

⁸ Электроприводной центробежный насос — аппарат механизированной добычи нефти, погружной насос центробежного типа.

Конечно, я не сказал, что и инициатива в «Шлюмберже» наказуема, поэтому каждое своё действие Сергей согласовывал с руководством в Ноябрьске и ждал, что ему предложат сделать в следующей попытке. Но это и так было видно, зачем об этом говорить.

— Ладно, Аркаша, ты нам лекции не читай. Нам результат важен. Ты лучше скажи, как ты сможешь запустить те скважины, за которые поручился?

— У меня много секретов в шкафу. На нашей станции «Электрон-05» есть разные режимы: «режим встряхивания», «режим толчковый или с раскачкой», «режим с синхронизацией». Понижу частоты, поиграю с напряжением, поменяю вращение двигателя вперёд-назад. В общем, гарантирую, что я их восстановлю. Даю слово, что не буду бриться, пока все названные скважины не запущу.

— Ты забыл сказать про свои шаманские штучки, — съязвил Володя.

— Да пусть кому хочет, тому и поклоняется. Хоть к своим электрическим богам обращается. Главное, он знает своё дело и делает это хорошо. А ты, Аркаша, смотри давать такие обещания. Так и бородатым можно остаться. Но, коль ты так уверен в себе — вперёд, дерзай! — и уже обращаясь ко всем присутствующим, бодрым голосом скомандовал: — Собирайтесь! Поедем на следующий куст.

На третьем кусте ко мне подошёл Сергей.

— Аркаша, у меня непонятная ситуация, — прошептал он, чтобы его не услышал Володя. — Станция запустилась с третьей попытки, но ток какой-то маленький.

— Какой должен быть ток? И какой у тебя сейчас? — так же шёпотом спросил я.

— Должно быть пятьдесят пять ампер, а по факту двадцать.

— Поздравляю! У тебя на погружной установке сломался вал или у муфты шлицы слизало. Останавливай свой частотник, у скважины дебета всё равно не будет.

— Ноу! Ноу! Но как же так, ток ведь не ноль?

— Всё очень просто: у тебя насос состоит из двух или трёх секций, вот где-то посередине вал и сломался. Запиши показания и отметь, что при попытке вывести насос из состояния клина произошёл слом вала.

— Щит! За это могут премии лишить, — грустно ответил Сергей.

— Смотри сам. Я бы на твоём месте написал в акте всю правду. Если сообщишь просто, что на насосе клин, это потом при демонтаже выяснится поломка вала. И тогда наказание будет строже, а к тебе доверия будет меньше.

— Окей! Спасибо за совет, — угрюмо ответил Сергей, отходя к своей станции.

После окончания работ подвели итог, и картина повторилась. Мне удалось также запустить шесть остановленных скважин, за четыре скважины поручился, и две скважины предварительно вывели в ремонт. У Сергея из пяти скважин четыре были заклиненные и у одной сломался вал.

— Ну молодца! — уже вовсю смеясь, хвалил меня Петрович. — Может, тебе орден похоронить?

— Рад стараться! — ответил с улыбкой я, хотел добавить «ваше высокоблагородие», но не решился. — А орден мне не нужен, замолвите доброе слово моему руководству, и на том спасибо скажу.

На заключительном, пятом кусте мне из пяти своих скважин в работу удалось запустить сразу три, одна давала признаки жизни, на последней был жёсткий клин. У Сергея ни одна из десяти скважин не запустилась.

К десяти часам вечера мы добрались до вахтового посёлка. Белые ночи ещё держались — небо не темнело, а только меняло краски. Солнце ушло за горизонт, но не погасло: оно продолжало светить оттуда, из-за края земли, заливая всё вокруг мягким, рассеянным светом. Лазурное небо, словно огромный купол, накрывало лесотундру, подчёркивая её бескрайность. В этой тишине, где каждый звук был отчётлив и чист, особенно заметно было дыхание северной

природы — едва уловимое, но живое. Низкорослые кустарники, пучки жёсткой травы, редкие и низкие ели с соснами — всё это казалось частью одной большой древней сказки, которую лесотундра рассказывает лишь тем, кто умеет слушать.

Начальник промысла отпустил операторов и Сергея, а меня с Володей пригласил к себе в вагончик-офис, или, как все его называли, штаб.

Володя, как зашли, наполнил чайник, включил его, а сам сел за компьютер.

— Начинаем оформлять акт осмотра? Или акт приёмки смены? Вадим Петрович, как будем оформлять?

— Давай по стандартной форме оформим — акт осмотра, — уточнил Вадим Петрович.

— Пока Володя ищет форму документа, у меня к тебе вопрос, Аркадий. Как твоё мнение, что произошло такого аномального, что все скважины остановились?

— Месторождение у нас не совсем стабильное, — начал излагать свою версию я. — В жидкости много газа и большое количество КВЧ⁹. И то, и другое для центробежных насосов губительно. Когда насос стабильно работает без остановок и смены режимов, то вроде бы всё хорошо, но стоит остановить двигатель, как мелкие частицы начинают опускаться, прессуются в верхних частях центробежного насоса и клинят его.

— Я готов, — глядя в монитор, сказал Володя. — Итак, общий фонд скважин месторождения Холмистое составляет пятьдесят штук. Из них с оборудованием «Новомет» двадцать девять скважин; сегодня запущено четырнадцать штук.

— Может, запишем «героически Аркадий запустил четырнадцать насосов»? — пошутил Вадим Петрович, наливая всем чай.

— Думаю, нас не так поймут в конторе. Ладно, продолжаем. Так, девять штук прокручиваются, но токи слишком высокие, срабатывает защита частотного привода. И шесть штук с жёстким клином, выведены на капитальный ремонт. По «Шлюмберже» — двадцать одна скважина на обслуживании, из них одна со сломанным валом, и двадцать с жёстким клином выведены в ремонт под замену погружного оборудования.

— Да, всё верно, — подтвердил Петрович, — давай, Володя, распечатывай. В подписанты не забудь Сергея вписать. Сходишь к нему сейчас — подпишешь. Готовые бумаги отсканируешь и отправишь в офис. А ты, Аркаша, допивай чай, бери ещё пряники. А то мы сегодня без ужина остались. Зато такое великое дело сделали. Завтра, крайний срок послезавтра вот эти оставшиеся девять скважин нужно кровь из носу запустить. Либо, если не получится, выведем их тоже в ремонт. Иначе мы план не выполним. Улавливаешь¹⁰?

— Да, Вадим Петрович, понимаю. — Я отпил глоток горячего чая и поставил кружку на стол. Расписался в напечатанном Володей акте. А ручку машинально прицепил на внешний карман куртки, Вадим Петрович увидел это, улыбнулся, но промолчал. — Я тогда пойду, а то завтра рано вставать.

— Да, конечно, иди, Аркаша, отдыхай. Ещё раз спасибо тебе за твою работу.

Крепкими рукопожатиями я попрощался с коллегами и пошёл к себе в вагончик. Такой авральной вахты у меня ещё никогда не было. Не было и таких трудовых будней — попить чай за весь день удалось только в штабе.

В вагончике непривычная темнота встретила меня — коллеги уже отдыхали, их комната была закрыта. Потихоньку включил чайник, *всё же одним пряником за весь день наестся нельзя*. Пока чайник грелся, пошёл раскладывать вещи в своём отделении, очень похожем на купе в поезде — двумя нижними и двумя верхними полками, со столиком между ними у окна. Под одним нижним лежаком было отделение для моих вещей, под другим — место сменщика.

⁹ КВЧ — число взвешенных твёрдых частиц в жидкости, измеряется в мг/л.

¹⁰ План по месторождению составляется только из дебита работающих скважин, скважины, выведенные в ремонт в плане, не участвуют.

Чистую гражданскую одежду аккуратно сложил в чемодан и убрал его, он понадобится, только когда поеду домой. То, что нужно на вахте, робу и нательное бельё повесил и разложил в шкафчике, ноутбук поставил на стол, тихо включил лёгкую мелодию, чтобы избавиться от гнетущей тишины. Продукты в пакете отнёс в шкафчик между отсеками, где была так называемая столовая с общим большим столом. Ещё тут был небольшой умывальник с навесным бачком для воды и ведром под раковиной. Такой простой, но достаточно приемлемый быт, вполне сносный для проживания. Здесь были мягкие лежаки, окно с москитной сеткой и шторкой блэкаут. Входная дверь герметично закрывалась и была с небольшим тамбуром. Зимой в вагончике уютно и тепло.

А вот первый год, когда строительство на месторождении шло вовсю, мест не хватало, жить в переполненных вагончиках было неудобно, были заняты все спальные места. В то время сменщик выбрал старый вагон, в который никто поселяться не хотел. У него дверь герметично не закрывалась, тамбур отсутствовал, поэтому зимой в столовой лежал небольшой сугроб снега, который каждое утро выметал я на улицу. А летом налетали полчища комаров. Таблетки в розетках помогали слабо, намного эффективней, если поджечь таблетку, затушить её, чтобы она обильно дымила, и пройтись по всему вагончику, обкуривая его. При этом комары прямо на лету падали замертво. Утром приходилось выметать целую кучу дохлых комаров, стол и пол изменили цвет на серый из-за трупиков комаров. Лежаки неудобные, жёсткие — деревянные. Слежавшиеся матрасы не отличались мягкостью. И, конечно, холод зимой в замороженном вагончике стоял невыносимый. Изоляция в стенах, скорей всего, осыпалась, и от стен шла прохлада не меньше, чем от незакрывающейся двери. Ставили дополнительный обогреватель между лежаками, но спали всё равно одетыми и под двумя шерстяными одеялами. Зато воздух всегда был свежий, и проветривать нет необходимости. Ещё одно шикарное преимущество — вагончик принадлежал только нам, соседей никого, никто не храпит и не мешает...

Поел кашу с мясом, запил всё крепким чаем, умылся, разделся и сразу лёг спать — завтра предстояла долгая напряжённая работа. Усталость накрыла, как тёплое одеяло, обволокла и растворила в пространстве. Сначала снился дом с цветущим садом, нежные бело-розовые цветки яблонь и абрикоса окружили дом праздничным белым нарядом. Виктория готовила блины на кухне, а Настя наливала золотисто-янтарный мёд в вазочку. Приснился момент расставания перед долгой вахтой:

Тёплый осенний свет струился сквозь оконные стёкла, рисуя на стенах причудливые узоры. Я нежно обнял своих любимых — жену Вику и дочку Настеньку. Зелёные глаза Вики, обычно сияющие, теперь были подёрнуты лёгкой пеленой грусти. В них читалась невысказанная печаль предстоящей разлуки.

— Давай присядем на дорожку, — тихо произнесла Вика, осторожно стирая слезинку, скользящую по щеке.

Мы сели на наш диван в зале — Вика слева, Настенька справа. Я обнял их, своих самых дорогих людей на всём белом свете, и на мгновение время словно остановилось. В эти минуты весь мир был только в нашей уютной комнате, где пахло домом, свежими фруктами, гармонией и любовью.

Сердце наполнилось теплотой, когда я смотрел на своих девочек. Настенька прижалась ко мне, как будто бы ей всего пять лет, доверчиво уткнувшись носиком в плечо. А Вика, склонив голову, тихонько гладила мою руку. Я ощущал, как сердце наполняется теплом, как растворяются в нём все тревоги и заботы. В этот момент я готов был остаться здесь навсегда, казалось, нет места прекраснее этого и нет момента значительней.

— Аркаша, ты взял свои таблетки? — Её голос, обычно такой уверенный, сейчас звучал непривычно мягко. Вика отпрянула от моего плеча.

— Викуля, моя аптечка давно собрана и упакована, не переживай, — ответил я, стараясь скрыть волнение за шутливым тоном. — Ты лучше скажи, что тебе привезти?

— Ничего мне не нужно, только возвращайся скорей, — тихо прошептал она, вновь прижимаясь к моему плечу. В её голосе слышалась такая нежность, что у меня защемило в груди.

— Папочка, а мне привези морошку! — звонким голосом Настя нарушила хрупкую тишину.

— Доченька, знаешь, морошка — ягода особенная, безвкусная, водянистая, — я старался говорить легко, скрывая тревогу. — И я, боюсь, её не довезу, она в кисель превратится.

— Но папочка, она же такая красивая на твоих фотографиях — ярко-жёлтая, словно солнышко! — настаивала Настенька. — Привези хоть попробовать, хоть раз!

— Хорошо, обещаю! Привезу тебе морошку, и бруснику, и клюкву. Надеюсь, на вахте будет время сходить в лес.

Внезапно до нас донёсся звук подъезжающей машины, затем всё растворилось в сером тумане...

Солнце в шесть утра светит уже высоко над горизонтом. Быстрый перекус, кофе с кашей. Живо надел антимоскитную куртку, обильно намазал лицо, руки, шею мазью от комаров. Вчера в спешке забыл намазаться, за два часа, пока комары были активны, они успели накусать так, что всё тело теперь чешется. Взял ящик с инструментом и вышел на стоянку к вахтовке. Ящик поставил у машины, а сам пошёл в штаб к начальнику промысла узнать обстановку.

— Доброе утро, Вадим Петрович, — заходя в вагончик-штаб, поздоровался я, протягивая руку. Достал ручку из кармана. — Вадим Петрович, я вчера по запарке вашу ручку прихватил, как говорится, «ещё один день на работе — ещё одна ручка».

— Оставь. У меня целый ящик этих ручек.

— Вот спасибо, а то от нашей конторы канцтоваров не дождёшься. — Пряча ручку обратно в карман, я поинтересовался: — Есть новости?

— Да, Аркадий, молодец, что зашёл. — Почесав бороду, добавил: — Новости есть. Скорей всего, завтра прибудет бригада подземного ремонта скважин — это первая новость. И вторая новость — будем менять оборудование «Шлюмберже» на ваше новометовское. Руководство просто в шоке от вчерашних результатов.

— Вот это повезло... Нарботал я на свою голову, сейчас всю вахту придётся впахивать за троих: за электромонтажника при обвязке станций управления и наземного оборудования, за монтажника погружного оборудования при демонтаже и монтаже ЭЦН и за себя — электронщика по настройке и наладке станций частотного привода.

— Работа нас кормит, так что грех жаловаться.

— Я не жалуясь, но предупреждаю, я не железный. Мне придётся безвылазно работать на кустах и днём и ночью, а вот к своим кураторам и диспетчерам на связь я выходить не смогу. Тут нужно что-то одно — либо работать, либо сидеть на телефоне и болтать без перекура о звёздных кораблях.

— За это не беспокойся, я с ними сам буду разговаривать и принимать от них заявки. Твои акты монтажа и о проделанной работе буду сканировать и отправлять сам. Так что не переживай. Сейчас подойдёт Володя, езжай с ними на первый куст. И, как мы вчера договаривались, запусти погружные насосы, которые сможешь восстановить.

— Хорошо, я уже готов, инструмент у машины.

— А после обеда на третий куст поедете. К вечеру, я думаю, уже будет готова заявка на замену оборудования. Постарайся раскрутить ещё те насосы, которые сейчас в жёстком клине.

— Принято, постараюсь. Буду использовать все методы, которыми владею.

— Не боишься, что у тебя, как у Сергея вчера, будет слом вала?

— Нет, не боюсь. Большой опыт, интуиция и моё чутьё меня ещё никогда не подводили. Смысла нет поднимать установку, у которой можно было восстановить работоспособность. А сломанную установку так и так нужно будет менять.

— Ну, дай бог, — широко улыбнувшись на мой честный ответ, отреагировал Вадим Петрович. — В обед можешь не приходить. Лучше отдохнёшь часик. А вечером подойдёшь ко мне, обсудим обстановку. Выполняй!

— Добро, — ответил я и вышел из штаба.

Через час на первом кусту я уже колдовал с частотниками. Со второй попытки я реанимировал «режимом встряхивания» два ЭЦНа, «режимом раскачивания» запустил ещё один насос. С раскачкой восстановил установку, которая вчера была в жёстком клине, воспользовавшись ещё одним режимом «с синхронизацией». Не забыл я поблагодарить те станции управления, которые остались в работе. Прочие три насоса сопротивлялись. Один прокручивается, но не запускается, и две установки пока не дают признаков жизни. После превышения токов следовало по регламенту выждать как минимум тридцать минут, но я применял жёсткий запуск, после такого режима нужно было подождать около часа.

— Ну что, покурим? — начал я разговор, видя, как Володя томится, но, решив мне не мешать, не начинает беседу. На самом деле я никогда не курил, это был риторический вопрос — предложение отдохнуть.

— Смотрю я на тебя, и, как говорится, бесконечно долго можно смотреть на три вещи: на то, как горит огонь, на то, как течёт река, и на то, как кто-то работает. Сергей просто нажимает кнопку «Пуск» и ждёт результат, если результата нет, то повторяет процедуру без всяких дополнительных мероприятий. А у тебя столько методик и колдовства, где ты всему этому научился?

— Володя, пойми, любую работу нужно делать с душой и на сто процентов понимать, что ты делаешь и какой ты ожидаешь результат. На станциях Сергея тоже есть разные методики, но они рискованные, и все они запрещены регламентами. Сергей применил одну из методик и получил результат — сломанный вал. Это в любой фирме наказуемо, даже в моей, дальше он инициативу применять никогда не будет. Это же понятно.

— А ты, Аркаша, не боишься?

— Володя, если бы я боялся, то у меня был бы аналогичный результат, такой же, как у Сергея. Я закалён в других условиях — готов принимать самостоятельно решение, проявлять инициативу, оправданно иду на риски и готов за все свои действия отвечать. У меня два высших технических образования. Я инженер-электрик и инженер-механик. Причём, кроме высшего образования, приобрёл огромную практику как слесарем-инструментальщиком, так и электромонтёром. Прошёл путь от электромонтёра до начальника электротехнической лаборатории.

— Не понял: ты был начальником, а сейчас электрик? — не скрывая удивления, выпучил глаза Владимир, пытаюсь понять, вру я ему или нет.

— Да, практически так и есть, только я сейчас не электрик, а электронщик — как бы инженер. Дочь заканчивала одиннадцатый класс. Нужно было думать, как ей дать хорошее образование. Поэтому первая вахта моя на Крайний Север была с двенадцатого июня. Я пропустил самый трогательный день для дочери, её выпускной в школе, вечер, где она была принцессой бала. Зарплата у меня была семнадцать тысяч рублей, а дочери на проживание и обучение в университете просто для того, чтобы жить, нужно было пятнадцать тысяч в месяц. А на что нам жить? На что достраивать дом? Получишь такую зарплату, засунешь карточку в банкомат, а он издаст непонятные звуки. Стоишь и думаешь: «Это он надо мной ржёт?» или «Это он сломался, пересчитывая мелочь?» Вот и пришлось уходить с работы, на которой проработал более десяти лет, и ехать в неизвестность на Крайний Север, хотя и по знакомству. На новом месте электриком я стал получать двадцать семь тысяч рублей, а сейчас у меня зарплата тридцать пять тысяч, то есть больше, чем на прежней работе, в два раза. Хотя пришлось сменить работу на Севере, всё-таки вариантов было больше, чем на Большой Земле.

— Согласен с тобой, всё зависит от зарплаты, — поддержал меня мастер по добыче, но сам не сказал, сколько получает, эта цифра значительно больше, чем у меня сейчас.

— Вот вы с Вадим Петровичем меня хвалите, а я от своих начальников доброго слова не услышу. Я прошлую вахту пахал как слон. Приехали, а тут вообще швах. А ведь мой сменщик, который ушатал все насосы, получит такую же зарплату, как и я. Или, к примеру, Сергей со «Шлюмберже», у которого сейчас оборудование снимается, а моё ставится, он вообще получит больше меня — от сорока двух до сорока пяти тысяч. Где здесь справедливость?

От злости я махнул рукой и пошёл к станции. То ли станция испугалась резко испортившегося моего настроения и решила не попадать под тяжёлую руку, то ли звёзды смиростивились надо мной. Станция поработала десять минут на высоких токах, затем токи стали постепенно снижаться до номинала. Я ещё немного понаблюдал, проверил выставленные параметры, молча собрал инструмент и пошёл в вахтовку, там хоть комары не жужжали. Программа максимум была выполнена: на первом кусту десять насосов из двенадцати работали в штатном режиме. Через полчаса операторы закончили свою работу, и все вместе выехали на базу пообедать.

После обеда получилось не так продуктивно, как в первой половине дня. На третьем кусте из четырёх прокручиваемых насосов запустились всего три. Доехали до базы уже ночью. Прощаясь с Володей, я зло пошутил: «Не можешь стоять, когда другие работают? Иди полежи!» Сам не знаю, почему я так себя накрутил. Володя покосился на меня, как Ленин на мировую буржуазию, но ничего не ответил, видать, и у него сил не было огрызаться.

Я, как и обещал после ужина-перекуса у себя в вагончике, так как на ужин снова опоздали, пошёл в штаб. Вадим Петрович не стал задерживать меня, за кружкой чая обсудили дальнейшие действия. Затем он вкратце пояснил планы по КРС¹¹. И решили до приезда бригады КРС и пока не выдали заявки на подготовку оборудования к спуску в скважины, добывать и потихоньку запускать то, что запустится. Не забыл укорить диспетчеров и начальников участка «Новомета»:

— Как ты и говорил. Они постоянно в течение дня названивали и требовали, чтобы ты с ними связался. Пока я лично не позвонил вашему главному инженеру. Он вроде всё понял, и после трёх часов перестали звонить.

— Это ещё мне аукнется. Они звонят все по очереди и друг у друга спрашивают обстановку. Однажды дело было зимой на Вынгапуре. Обвязываю станцию, там всё строго по графику. Мобильный телефон спрятал во внутренний карман, чтобы от мороза он не разрядился. Работаю, руки испачканные, приходится каждый раз вытирать, прежде чем достать телефон. В общем, надоели мне все эти переговоры, и я перестал брать трубку. Кручу гайки, а музыка звучит, а музыка играет без перерыва. Закончил работу, запустил станцию и достал телефон, проверил, кто звонил, и ответил на первый же звонок. Так на меня начальник цеха с наездом: «Ты что делаешь?» А я в ответ так спокойно отвечаю: «Ничего». — «Как ничего? Через десять минут запуск», — чувствовалось, как волосы зашевелились у собеседника на голове, ну, наверное, не только на голове. А я в пояснение перечислил всех, кто мне звонил, и подвёл итог: «Вот со всеми разговариваю, а третьей руки у меня нет, и поэтому работа стоит». С тех пор мне так уже не названивают. Может быть, из-за этого меня на Холмистое сослали?

— Ты не тушуйся. Мы тебя в обиду не дадим. Пока я здесь начальник, тебя никто не тронет. Это я гарантирую. Ну ладно, Аркаша, иди отдыхай, а мне ещё поработать нужно.

На следующий день мы в том же составе с мастером и оператором добычи отправились на пятый куст. Там оставалось всего две скважины запустить, за два часа мне удалось эту работу сделать. И я попросил Володю отвезти меня на третий куст, чтобы время зря не терять. А там

¹¹ КРС — капитальный ремонт скважин с заменой ЭЦН.

мне поддалась ещё одна скважина. Остались в жёстком клине всего четыре насоса. Два ЭЦН на первом и два на втором кусту.

— Будешь бриться? — спросил меня, улыбаясь, Володя. — Ведь ты своё обещание выполнил.

— Нет, — твёрдо ответил я. — Пока всю работу не закончу или пока КРС не уедет.

— Это значит, до конца вахты будешь бородой обрастать.

В два часа дня прилетел вертолёт с бригадой капитального ремонта скважин. Пришли планы по замене наземного оборудования: нужно было поменять станции управления с повышающими трансформаторами на ростверках, а затем при подъёме погружного оборудования произвести замену насосов и асинхронных двигателей. Все эти работы на Большой Земле выполнялись разными бригадами, а здесь, на Холмистом, всё приходилось делать мне одному. Демонтаж оборудования «Шлюмберже» ложился на плечи Сергея, а монтаж нового новометовского оборудования — на мои. Никаких простоев бригады КРС не допускалось. За сутки приходилось спать всего по три-четыре часа.

* * *

Бригада КРС выставила подъёмную установку А-50У¹². Подняли вышку, выставили её строго вертикально над устьем скважины, закрепили вышку растяжками из тросов. Разобрали фонтанную арматуру под названием «ёлка»¹³. Приступили к подъёму ЭЦН с разборкой НКТ. А уже через сутки производился демонтаж негодной и монтаж новой погружной установки. Как правило, демонтаж и монтаж производились ночью, а днём мы с Сергеем перевозили наземное оборудование, подключали и расключали его. На ремонт одной скважины выделялось всего трое суток.

Ещё одна особенность, применяемая на неустойчивых скважинах, — это глушение скважины. По регламенту положено скважину заглушить соляным тяжёлым раствором, чтобы из неё не вытекала нефть и не выходил газ. Но эти мероприятия не проводились, глушили максимум водой, то есть нетяжёлым раствором. И поэтому скважины «дышали», выделяя газ с углеводородами, а периодически, когда практически из скважины все трубы были вынуты, открытая скважина начинала фонтанировать, иногда недолго, пять-десять минут, а иногда и несколько часов.

Цвет нефти южнее Ноябрьска имеет характерный чёрный цвет, а в Ноябрьске и выше — более светлая, рыжеватая нефть. Вот и на Холмистом месторождении нефть рыжего цвета разных оттенков, всё зависит от того, сколько процентов нефти, а сколько процентов воды в данной скважине. Был такой случай, прошлой зимой, когда я производил замену погружного оборудования, все трубы НКТ подняли. У меня начался демонтаж, ЭЦН доставали из скважины, и я разбираю установку по секциям. Оставалось поднять последнюю деталь — компенсатор. Тишина давила, будто сама земля затаила дыхание...

Как вдруг в обсадной колонне заклокотало — глухо, угрожающе, словно пробуждалось нечто древнее и злобное. Шум нарастал, ударяя по трубе, словно гигантской кувалдой. Земля содрогнулась под ногами. Недра с хриплым выдохом извергли струю газа. Бригада вместе со мной едва успела отбежать от подъёмной вышки. А из скважины, словно плевок разъярённой бездны, рванула струя. Точно кровь из разорванной артерии, она ударила в верхнюю лебёдку, разбрызгивая едкую жидкость во все стороны. Через несколько секунд медленно и непрерывно

¹² Установка подъёмная для освоения и ремонта скважин глубиной до 3500 метров, грузоподъёмностью 50—60 тонн, агрегат смонтирован на шасси автомобиля КраЗ-257. Высота телескопической мачты 22,4 м.

¹³ Комплекс механизмов и устройств, устанавливаемых на устье скважины. Основные функции фонтанной арматуры: герметизация скважины; управление потоком жидкости из скважины; проведение технологических мероприятий; подвес насосно-компрессорных труб (НКТ).

из скважины начал подниматься фонтан рыжей нефти. Постояв двадцать минут, совместно с бригадой решили уйти в тёплый вагончик попить чай, подождать, пока скважина успокоится.

От мороза минус тридцать пять градусов снег под ногами скрипел, как потёртое седло. Из окна вагончика, который стоял за обваловкой¹⁴, было хорошо видно, как из скважины бьёт фонтан выше вышки, ударяя струями о протектор, который не успели снять. Он висел на самом верху, раскачиваясь, словно новогодняя игрушка на ёлке. Прошёл час, два, а скважина не унималась.

Только утром фонтан прекратился. Я вышел на улицу и обалдел. Вся вышка, натянутые тросы и всё оборудование, лежащее на стеллажах, было покрыто ледяной коркой от трёх до пяти сантиметров, причём цвет льда был золотой. Установка А-50У была словно из чистого золота. Такая картина и во сне не приснится, а наяву удалось повидать...

Начали замену погружного оборудования «Шлюмберже» на «Новомет» с самых «жирных» скважин¹⁵. После ремонта на первом кусту бригаду КРС поставили на третий куст для замены насоса на водяной скважине. На участке у «Новомета» не было мощных насосов более пятисот кВт, в связи с чем водяные скважины остались на обслуживании у «Шлюмберже». Наконец-то у меня выпало время передышки, я полдня отсыпался, а с обеда поехал пробовать реанимировать оставшиеся четыре скважины. Только на вторые сутки после всех возможных мероприятий ещё одну скважину мне удалось перевести из ремонта в работу. Оставшиеся три никак не поддавались.

После отличного результата я решил побриться, борода уже доставляла неудобства, она чесалась, и по ней можно было определить, что я ел на этой неделе. Немного поразмыслив, я из процесса сбривания бороды сделал целую фотосессию. Безопасной бритвой с тремя лезвиями подбривал бороду частями перед зеркалом. Одной формы справа, а другой конфигурации — с левой стороны лица. Каждый образ фотографировал на телефон. В завершение искусного бритья запечатлел усы разных длин и форм. В финале я был начисто выбрит.

Умывшись, улыбнулся своему отражению в зеркале. В ответ отразилась улыбка художатого человека с добрыми карими глазами и непослушной причёской. По бокам волосы были выстрижены коротко, а на макушке приходилось их мочить, чтобы уложить пробором направо, иначе они стояли ёжиком.

Небольшой, чуть заметный шрам над правой бровью — отпечаток лихих девяностых годов. Напоминание о молодости и о Дальнем Востоке. В то время я занимался восточными единоборствами, начинал с бокса, затем секция пошла в тренде современности — стала кик-боксингом. В одной из уличных драк я заступился за своих товарищей, которых пытались ограбить босыки. В этом неравном бою применил тактику боя сразу против восьми окруживших меня бандитов. Понимая, что голыми руками меня не взять, исподтишка один ублюдок оглушил дубиной по голове, а затем меня, лежащего без памяти, жестоко избили до полусмерти ногами. Чудом выжив в той битве, молодой организм быстро восстановился. Конечно, на время пришлось оставить спорт, только через год я пошёл в секцию карате. На память о тех событиях остался совсем небольшой, светло-розовый, в сантиметр длиной рубец. Потерев его, ещё раз умыл лицо холодной водой, вытерся и пошёл в штаб.

Наконец-то выпал удачный момент — я смог позвонить домой. В трубке сразу раздался голос Вики, такой живой и родной. Она тут же принялась делиться новостями: рассказывала про домашние дела, про себя и Настеньку, про подготовку к школе — опять в этом году новый

¹⁴ Обвалование — система заградительных сооружений (защитных дамб, земляных валов), которые создаются из местного грунта в целях предотвращения растекания жидкости за пределы участка куста при разгерметизации скважины либо иного технологического кустового оборудования.

¹⁵ Жирными скважинами считаются те, у которых процентное содержание нефти в добываемой жидкости составляет более 5%, а оставшиеся 95% — вода.

первый класс. Связь каждую минуту прерывалась, и приходилось набирать номер снова. Любимая спохватилась и начала засыпать меня вопросами, в которых слышалась такая знакомая, трогательная забота: «А у тебя как дела?», «Как твоё здоровье?», «Нет ли аллергии?». Я улыбнулся и ответил, стараясь, чтобы голос звучал бодро: «У меня всё хорошо, Вик. А аллергии тут, на севере, точно никогда не будет, ты же знаешь. Где здесь взяться пыли или пыльце?». На четвёртой минуте мы попрощались.

— Аркаша, — прошептала Вика, я чувствовал, как она бережно вытирает платком следы слёз. — Приезжай поскорей. Мы тебя всегда ждём, каждую минуту думаем о тебе.

В её словах было столько любви и преданности, что на сердце стало теплее. Я знал — никакие расстояния не смогут разрушить ту незримую нить, что связывает нас воедино. И пусть впереди ждёт разлука, но наша любовь поможет пережить эти дни, недели, ведь мы знаем, что обязательно встретимся вновь. Закрыв глаза и тоскуя, вспомнил, как перед отъездом с Викой собирали яблоки в саду. Представил её золотистые волосы, добрую, нежную улыбку и такой проникновенный глубокий взгляд. Порою кажется, в её зелёных глазах с малахитовыми тёмными пятнышками скрыта вся вселенная. Сердце защемило, заныло где-то под лопаткой. *«Всё-таки как мало мы бываем вместе, и с этим что-то нужно делать».*

Я пообещал позвонить, как только будет возможность. Раздались долгие гудки, я медленно положил трубку. Радость от голоса любимой тут же смешалась с тихой тоской — так остро захотелось оказаться рядом. Придя в вагончик, достал ноутбук, включил музыку — просто чтобы немного развеяться, отогнать эту грусть и мысленно вернуться туда, где ждут и любят. А там такая правдивая, прямо в тему песня Николая Расторгуева, разрывая душу, давила своим содержанием. Я стал подпевать до боли знакомым словам:

Струйкой дым понесла тишина,
Запечалилась в небе луна.
Ну и пусть — мне печаль не страшна.
Главное, что есть ты у меня!
Про себя втихаря помолюсь,
Закурю и опять зарекусь.
Жаль, что только сейчас понял я —
Главное, что есть ты у меня!

А ты там, там, там, где смородина растёт
И берёза тонким прутиком песок метёт.
А ты там, где весна, а я здесь, где зима...
Главное, что есть ты у меня!

Фотокарточку нежно храню.
Ты смеёшься на ней, я кричу.
Я вернусь, по-другому нельзя,
Потому что есть ты у меня!
Вновь поход, и опять мы идём,
Ловим воздух как лошади ртом.
Ну и пусть впереди западня.
Главное, что есть ты у меня!

А ты там, там, там, где смородина растёт
И берёза тонким прутиком песок метёт.
А ты там, где весна, а я здесь, где зима...
Главное, что есть ты у меня!

Вечером на ужине Володя сообщил новость, что Сергей запустил водяную скважину ППД¹⁶, которая перекачивала воду с уровня пятисот метров в нефтесодержащий пласт на глубине двух километров. Это нужно для поддержания пластового давления. Постепенно на всех кустах давление стало восстанавливаться, и даже некоторые скважины стали вновь фонтанировать.

¹⁶ Водяные скважины ППД — водяные нагнетательные скважины, которые служат для поддержания пластового давления.

Глава вторая. Скважина №13

Следующий капитальный ремонт предстояло по графику сделать на пятом кусту на скважине №13. Она была с драматичной историей. Когда её бурили, произошёл выброс с возникновением пожара. Потушили и загерметизировали скважину только через месяц, всё это время пламя из обсадной колонны под высоким давлением вырывалось на сотню метров из земли. После аварии останки расплавленного металла и скелета буровой вышки оттащили в тайгу недалеко от куста, дабы не было видно с дороги, с целью не раздражать работников изуродованными скрученными руинами буровой. После этого пожара дебет на всех кустах снизился примерно на тридцать процентов. И вот теперь предстояло заменить насос на этой чёртовой скважине.

При подъёме НКТ неожиданно скважина ожила, несколько раз фонтанировала, но периодически захлёбывалась, давая бригаде КРС работать. Но после подъёма ЭЦН начала фонтанировать непрерывно, усиливая мощность выброса. На вторые сутки фонтан с напором бил с такой силой, что невозможно было закрыть скважину. Весь куст накрыло облако метана. От начальника промысла поступила команда отключить все электроустановки на пятом кусту. Я с электриками прибыл и проверил своё оборудование. Несколько станций управления и трансформаторов пришлось оттирать от рыжей нефти.

Мастер КРС вызвал специалиста из МЧС¹⁷, который впоследствии снял этого мастера с должности. Новый временный начальник ликвидации аварии непосредственно сам руководил глушением скважины и дальнейшими работами по замене ЭЦН. Попытались заглушить скважину агрегатами, но это было временным решением: в агрегате воды всего восемь кубов. Поэтому подключили агрегат с насосом, который качает воду в скважину из озера, находящегося рядом. Фонтан уменьшился до простого постоянного перелива, стало возможно спускать новое погружное оборудование в скважину. Сергей выполнил строго по инструкциям монтаж своей установки и спокойно ждал времени запуска насоса.

Через два дня вечером Сергей уехал на запуск частотного привода. После обеда я зашёл в вагончик штаба, чтобы узнать, куда переехал КРС. На моё удивление, Сергей станцию, оказывається, ещё не запустил.

— Как так? Он же вчера вечером ещё уехал.

— Да вот так, — не скрывая недовольства, ответил Вадим Петрович. — У тебя есть полчаса?

— Да хоть час, я же на вахте.

— Не в службу, а в дружбу. Ты бы, Аркаша, съездил, посмотрел, что там к чему.

— Хорошо, Вадим Петрович, пусть вахтовка к вагончику подъезжает, а я пока каску с инструментами возьму.

Через полчаса я был у станции злосчастной скважины №13. Смотреть на Сергея было жутко, бросалось в глаза, что он не соображает, что делает. Весь заросший, взлохмаченный, зрачки расширенные, движения плавные, заторможенные. Третьи сутки он практически без сна находится на кусту, где до сих пор стоит резкий запах углеводородов. Поприветствовав Сергея, я поинтересовался, что у него случилось.

— При запуске. Большие токи, частотный привод не раскручивает насос и выдаёт аварию.

— Что ты делал?

¹⁷ В МЧС России существуют подразделения по предупреждению и ликвидации открытых газовых и нефтяных фонтанов. На месторождение был направлен специалист со специальным инструментом для глушения скважины на обсадной колонне силами бригады КРС.

— Да что только не делал, — уставшим голосом пояснял Сергей. — Утром перевёз и поменял новую станцию управления — результат аналогичный. Ещё этот чудака на букву «м» каждые полчаса бегает и кричит «Когда запустишь?» да «Когда запустишь?». Задолбал уже. Вон он снова бежит, спотыкается.

На ростверк вихрем влетел невысокий человек с красной мордой, неопрятно одетый наполовину в робу, наполовину в гражданку: в куртке-робе и в трико с оттянутыми коленками, весь дёрганный, постоянно поправляя очки в тёмно-коричневой оправе.

— А ты кто такой? — Он впервые увидел меня на пятом кусту. — Что ты тут делаешь?

— Вообще-то я здесь работаю уже третий год, я обслуживаю оборудование «Новомет».

— А-а-а, — многозначительно протянул собеседник, не найдя что ответить мне, и обратился к Сергею, резко поправив очки: — Когда запустишь станцию?

— Сейчас разберёмся, дай нам полчаса и уйди, не мешай. Нам здесь лишняя суeta не нужна.

— Да как ты смеешь? — выпучив глаза так, что казалось, что они вылезут из орбит. Он ещё что-то бурчал себе под нос, а когда понял, что на него не обращают никакого внимания, выкрикнул, убегая с ростверка: — Я буду жаловаться. Я на всех вас докладную напишу.

Я подошёл к трансформатору, не обращая на выкрики МЧСника, посмотрел по схеме, на какое напряжение он настроен, пересчитал показания приборов в блокнот, достал свой инструмент и стал менять обмотки трансформатора.

— Сергей, ты бы пошёл к КРСникам, отдохнул у них в вагончике. Я закончу, тебя позову, без тебя всё равно запускать не буду.

— Ноу! Нет, спасибо, я не пойду, я здесь должен быть. А что ты хочешь делать?

— Сейчас увеличим напряжение на пятьдесят процентов, а частоту ты пока выстави на тридцать герц максимум.

— Ок! И что это нам даст?

— Эх, Серёжа-Серёжа... — С грустью в голосе, но не критикуя, я стал пояснять: — Вот, смотри, в блокноте я всё рассчитал. При настройке на пятьдесят герц напряжение при выходе из частотника триста восемьдесят вольт, при увеличении напряжения на пятьдесят процентов получаем пятьсот семьдесят вольт. При снижении максимальной частоты до тридцати герц получаем напряжение в триста сорок вольт, то есть ниже номинала, но при этом на данной частоте будет момент и сила тока равны почти номинальным значениям. Если насос заклинен, значит, повышенный момент на данной частоте должен его раскрутить. Всё ясно?

— Гуд! Да. Вроде всё ясно, — растягивая слова, ответил он.

Сергей подошёл к станции управления и выбрал максимальную частоту в тридцать герц. И пока я возился с трансформатором, он сел на ящик с инструментом, прислонился к ограждению ростверка и тут же уснул. Через пятнадцать минут у меня было всё готово к пуску, я кое-как растолкал Сергея.

— Что, Сергей? Вот так всегда, только начнёшь работать, обязательно кто-нибудь разбудит. — Но Сергею было не до шуток. — Видок, у тебя, конечно, не айс. Тебе бы отдохнуть. Давай, жми «Пуск», всё готово.

Сергей поднялся и, шатаясь, подошёл к станции, нажал кнопку. Станция запищала и через четыре секунды остановилась на частоте двенадцать герц по аварии «превышение тока IGBT модуля».

— Ну, всё понятно, жёсткий клин у насоса, — констатировал я. — Нужно поднимать установку.

— Как? Этого не может быть! Я проверял вращение перед самым спуском, насос вращался вместе с двигателем от руки, — чуть не плача возражал Сергей. — Меня вообще уволят, вал у одного насоса сломал, эту установку неправильно собрал — получается, снова накосячил. Но это не так, я всё проверял. Что ещё можно сделать?

— Предлагаю последний вариант. Давай поменяем направление вращения насоса не на частотном приводе, как ты уже делал, а с заменой двух фаз на трансформаторе.

— Ок! Я только за, — оживился Сергей в надежде на чудо.

Я отключил питание и перекинул две фазы.

— Пускай, — сказал я Сергею, но понимая, что это мало что изменит.

А чуда и не случилось, станция так же, по тем же параметрам остановилась. Я молча отключил станцию и стал возвращать обмотки трансформатора в прежнее состояние. Сергей отошёл в сторону, он смотрел вдаль, на водную гладь болота, окружающего ростверк, смотрел на противоположный берег с невысокими соснами и лиственными деревьями. Ком подкатил к горлу, но слёз не было, усталость съела всё. Только сейчас напряжение ушло в сторону, а усталость навалилась. Было видно, как ноги непроизвольно подкосились, Сергей еле удержался за поручни.

— Пойдём, я всё восстановил, — сказал я, подойдя к Сергею. — Здесь уже делать нечего. Ты сделал всё что мог. Не знаю, что там произошло, но погружная установка у тебя сломана. Как говорится, вскрытие покажет. Ты лучше сам доложи сначала этому чуднику из МЧС, а затем начальнику промысла.

Мы спустились с ростверка. Сергей шёл, ничего не видя перед собой, я же старался обойти каждую лужу из нефти, чтобы не испачкать сапоги. Подходя к одной из изолированных луж, я обратил внимание, что на поверхности нефти колыхались, словно трава, какие-то отростки. Они были маленькие, высотой всего пять сантиметров, но их было много. Я остановился как вкопанный, не веря своим глазам.

— Ты это видишь? — указывая пальцем на чудо, спросил я Сергея.

— Да! — спокойно подтвердил он. — Я эту картину с утра наблюдаю. Только думал, что это всё от усталости мне просто чудится.

— Да нет же, оно как живое.

Я не вытерпел, подошёл ближе, и все отростки стали тянуться ко мне. Я отошёл влево, затем вправо, и щетина нефтяного ковра каждый раз двигалась в мою сторону.

— Что за тварь? — Я наступил сапогом в самую гущу.

Нефть вспенилась, забурилась, словно закипела, что-то запищало, зашипело одновременно и неожиданно стихло. Словно ничего не было. Я стоял по щиколотку в ровной нефтяной луже.

— Ну не почудилось же нам обоим? — с тревогой спросил я у Сергея.

— Может, и почудилось, — устало ответил он. — Надышались парами нефти, глядишь, и летающие тарелки увидим.

— Наверное, ты прав, — согласился я с ним, выходя из лужи. — Только зря сапоги испачкал.

Я как мог обтёр сапоги о песок, залез в машину, на которой приехал. Водитель на меня, конечно, косо посматривал всю дорогу, нервно приключая коробку передач. *Ну а что я могу сделать, не разуваться же на улице — работа такая.* Доехали до базы молча. Спрыгнув на бетонку, я не понял, такое было ощущение, что по дороге я иду босиком, чувствуя каждый камушек. У вагончика снял сапоги и обомлел: подошву всю разъело. О половую тряпку вытер ноги насухо. Собрав мыльно-рыльные принадлежности, сходил в баню, смыв с себя все запахи нефти. И лишь тогда только прилёг отдохнуть, до ужина оставалось полчаса.

После ужина, надев сменные ботинки, я зашёл к Вадиму Петровичу, Сергей ему уже всё доложил, но Петрович ждал подтверждения от меня. Я подтвердил свои догадки: вариантов нет, нужно поднимать установку, и только при демонтаже погружного насоса можно будет конкретно вынести вердикт, что произошло. А вот вопрос Вадима Петровича меня слегка насторожил.

— Аркаша, а у тебя насос на пятьсот киловатт есть?

— Нет, — уверенно ответил я, прекрасно зная, какое оборудование есть на месторождении. — Максимальная мощность насоса на четыреста восемьдесят киловатт.

— Принято, запишу. Иди отдыхай, а завтра с утра прошу подойти ко мне, смотри никуда не уезжай.

— Да я вроде никуда и не планировал ехать. Все свои скважины восстановил — которые поддались.

— По тебе видно, — расплылся в улыбке Петрович. — Рука не дрогнула при бритье?

— Нет, зато избавился от чесотки, и мне кажется, что кожа помолодела.

— Это тебе только кажется. — Вадим Петрович почесал свою покрытую сединой бороду. — Действуем, как договорились.

Мы попрощались крепкими рукопожатиями, и я пошёл к себе, а Вадим Петрович продолжил готовить отчёт за месяц, был отчётный период — конец месяца. Полвахты пролетело в аварийной суете как один день.

Придя в вагончик, лёг спать. Открыл книгу, которую оставил сменщик, прочёл полстраницы, глаза закрылись, и пустота накрыла меня.

Мне приснился тот трепетный момент расставания, когда на прощанье я обнял и поцеловал Вику, оставив в памяти нежные прикосновения её губ. Затем из окна отъезжающей машины помахал рукой, окинув прощальным взглядом зелёные деревья, клумбу цветов и начинающий краснеть выющийся по дому дикий виноград. Всё пропало в тумане, который менял цвет, из белого молочного, постепенно темнея, превратился в непросветную мглу...

Тьма расступилась, и я очутился на ровной круглой лужайке, покрытой голубой травой, колыхающейся на лёгком ветру, вокруг был белый плотный туман. Пошёл вперёд, сначала медленно ступая, ощупывая поверхность, затем быстрым шагом. Поняв, что это не лужайка, а огромный луг, я побежал вперёд. Засим взлетел, набирая высоту, туман стал растворяться. Перед взором открылась волшебная страна. Волшебство было во всём: и в высоко над землёй парящем замке в готическом стиле; и в цветовой гамме расстилающегося ковром леса, над которым парил в воздухе я, пролетая на бреющем полёте над макушками огромных деревьев. Вдруг пронзительный свист привлёк моё внимание. Посмотрев наверх, увидел чёрного дракона, пикирующего на меня. Вдруг липкий страх овладел мной, холодный пот выступил на спине и на груди. Потеряв воздушность, я стал падать в бездну, и мрак снова поглотил меня. Вдрогнув во сне, весь мокрый, в холодном липком поту я проснулся.

— Всё, «Игры престолов» перестаю смотреть, — тихо прошептал я сам себе, взял часы со стола, посмотрел на время. — Однако быстро ночка пролетела, уже пора вставать.

Встал, умылся, оделся и вышел на улицу.

Солнце поднялось высоко над горизонтом, мошка и комары жужжали и пищали как заведённые. На небе редкие белоснежные облака напоминали о том, что сегодня дождя не планируется. Как всегда, в хорошую погоду так и хочется сказать — лепота. Хотелось бы сегодня сходить куда-нибудь в лес, на часик, собрать грибов и ягод, хоть перекусить дарами природы. *«Пожарить бы грибы с картошкой и ягоды натолочь в чае. Но сначала нужно пойти в штаб, как вчера обещал Петровичу»*, — промелькнула мысль, когда шёл по тропинке среди ягеля.

— Аркаша, поздравляю тебя, — заявил Вадим Петрович, широко улыбаясь во всё лицо, как только увидел эцээнщика. — Согласовали замену насоса на тринадцатой скважине на вашу новометовскую установку.

— Так у меня же нет такой мощной установки, — возразил я.

— Ничего страшного, технологи согласовали установку на четыреста восемьдесят киловатт. Так что готовь оборудование. Вот заявка. Ночью будет монтаж.

— Так, подождите, нужно ведь разобраться, что с установкой «Шлюмберже» случилось.

— Да что там разбираться! Ты же сам знаешь, что в таких ситуациях может быть только одна неисправность — это заклинило муфту по ошибке при монтаже.

— Сергей говорит, что он проверял вращения после полной сборки.

— И ты ему веришь? — Вадим Петрович пристально посмотрел прямо мне в глаза. — Тогда скажи, что ещё могло случиться? У тебя есть варианты? Докладывай!

— Нет, но я бы дождался сначала демонтажа, чтобы делать выводы.

— Но всё же аргументов у тебя нет. Готовь своё оборудование. Поедешь с Сергеем на демонтаж, я не приму акт демонтажа без твоей подписи. Жду в акте только достоверные и обоснованные выводы. Иди возьми кран-площадку, тебе ведь наземное оборудование ещё нужно сегодня завести и подключить.

— Ну вот, не было печали, купила баба поросю, — прокомментировал я сложившуюся ситуацию, выходя на улицу.

— Подожди, не уходи, позвони своим, а то у меня уже телефон красный от этих звонков.

— Эх, сейчас я всё про себя узнаю. — Сел за стол, на котором стоял телефон, и набрал знакомый номер начальника участка на Вынгапуре. После стандартных приветствий стало слышно, как в трубку начали орать:

— Ты почему на связь не выходишь?

— Как почему? Потому что нахожусь постоянно на кустах, — стал возражать я. — Проведите телефонную связь по всему месторождению и тогда спрашивайте.

— Ты чё пререкаешься? — не унимались в трубке. — Ты меня не поправляй, я тебе не трусы!

— Вы хоть понимаете, что с утра до того, как вы ещё проснулись, я уже выехал на куст, короткий обед, и снова уезжаю. Приезжаю, когда вас уже на месте нет, а потом ещё ночью еду на демонтаж/монтаж, и так каждый божий день! — На лбу у меня появились капельки пота, рука, сжимающая трубку, побелела. — Когда мне спать прикажете?

— Я всё понимаю, — сменив крик на нормальный тон, ответил ему начальник участка. — Но звонить ты обязан каждый день.

— Во-первых, пришлите мне в помощь монтажников, а во-вторых, составьте мне график работы, как я должен, по-вашему, работать. Так как я на вахте, составьте его согласно КЗоТу, двенадцатичасовой рабочий день, с полноценным отдыхом. Не забудьте в график включить приём пищи и время на бестолковые телефонные переговоры. — Я бросил трубку, не прощаясь и не дождавшись криков с обратной стороны.

— Извините, Вадим Петрович, нервы уже ни к чёрту.

— Что, ругают?

— Нет, поздравили с новыми объёмами. — Я тяжело поднялся и, выходя, добавил: — На свете нет ужаснее напасти, чем идиот, дорвавшийся до власти.

Настроение сразу испортилось. Так и направился за инструментом. Нужно было выбрать и сделать визуальный осмотр станции управления и силового трансформатора напряжения. Затем проверить и сверить с заявкой погружное оборудование, заправить трансформаторное масло в канистру, проверить, испытать мегомметром погружной кабель и подготовить прокладки, монтажные гайки. В суете время пролетело незаметно, только в семь часов вечера я освободился, после ужина прилёг отдохнуть, так как в одиннадцать ночи нужно выезжать на демонтаж. Демонтаж предварительно назначен на полночь. Но мне уснуть не удалось, от тяжести болела спина и предплечья рук невыносимо ныли. На последнем демонтаже от боли я не смог открутить болты на установке, хорошо, бригада из капитального ремонта помогла. А сегодня, готовя универсальный хомут-элеватор, рука сама разжалась, не в силах удержать его. *«Ещё один монтаж могу не выдержать. А ведь только половина вахты прошла»*, — подумал я, переворачиваясь на другой бок. Боль в руках не прекращалась ни на секунду, от таких мучений точно не уснуть, посмотрел на часы — *через полчаса вставать*. Но и валяться уже не хотелось. Я поднялся, надел робу, включил чайник и вышел на улицу. На улице моросил

дождь, низкие тучи затеняли бледное светящееся небо. *«Тоска зелёная»*, — подумал я, заходя в вагончик.

Перекусив, взял инструмент и направился к машине, с вечера загруженной на неё погружной установкой. Со мной в кабину третьим сел заспанный Володя. Сергей со своим инструментом сел в автокран. В обычном случае работа у меня началась бы как минимум через четыре часа, всё зависит от того, как пойдёт демонтаж у Сергея, но в данной ситуации разбор погружной установки будет комиссионный — общий, с подписью трёхстороннего акта.

Подъехали к скважине №13 на пятом кусту. Бригада КРС уже закончила свою работу. К подъехавшим машинам, спотыкаясь, бежал начальник аварийной бригады МЧС, не здороваясь, он начал орать:

— Вы где были? Бригада закончила полчаса назад, а вас до сих пор нет.

— Не шуми, — вылезая из кабины, возразил ему мастер добычи. — Вы сами назначили демонтаж ровно на полночь, а сейчас двадцать три тридцать.

— Когда вы закончите? — не обращая внимания на ответ, засыпал вопросами нервный руководитель ликвидации аварии.

— По регламенту: восемь часов на разбор установки, час на погрузку-разгрузку оборудования на салазках и восемь часов на монтаж погружной установки, — ответил я.

— Сколько-сколько? Семнадцать часов? — У собеседника дар речи пропал, он как рыба молча раскрывал и закрывал рот, весь трясся и махал руками.

— Да не бзди, это время максимальное нам отведённое по регламенту. Дай бог сделаем быстрее.

Не найдя что ответить, он развернулся и вприпрыжку направился в свой вагончик досыпать. Коллеги поднялись на приустьевую площадку для ремонта погружного оборудования. Из скважины бил небольшой фонтанчик, сантиметров двадцать в высоту. Вода переливалась под скважину на грунт и текла по неглубокому арыку в озеро, из которого воду под давлением закачивали снова в скважину. Такого глушения скважин я ещё никогда не видел. Подошла ночная смена бригады КРС, и работа закипела. Они открутили последнюю трубу НКТ и хотели уже поднимать насос, как Сергей их остановил. Он достал подходящую муфту и проверил вращение, вал в насосе стоял мёртво, вращения не было.

— Фак! — вырвалось у Сергея

— Вся установка заклинила, верно? — Я за Сергея констатировал факт, показав мастеру добычи, что насос не вращается.

— Да, Аркадий, ты был прав. — Володя посмотрел на Сергея, комментарии были излишни.

Подняли и отсоединили первую секцию насоса. Проверили отдельно верхнюю секцию — на ней был клин, но и вал остальной установки тоже не вращался. Это насторожило меня, *«такого не может быть»*.

— Ты точно проверял установку всю в сборе? — обратился я к Сергею, но свои сомнения не сказал, сначала нужно всё тщательно проверить.

— Да, я на сто процентов уверен, что собрал всё верно. Щит! Она вращалась, мамой клянусь! — Веко у Сергея над левым глазом подёргивалось, губы и подбородок дрожали.

Продолжили дальнейший демонтаж установки. Следующая секция при разделении не вращалась. И остальные две секции тоже при разделении были в жёстком клине. У двигателя вал вращался нормально.

— Пошли писать акт, — обратившись к коллегам, сказал я.

— А как же монтаж новой установки? Потом бы написали, — переспросил Володя, ему очень не хотелось сидеть на монтаже до утра под морозящим дождём.

— А ты не понимаешь, что произошло? — Я прямо посмотрел в глаза Володи, но уверенного взгляда не увидел, он был, скорее всего, рассеянный. — Насос, собранный Сергеем,

был исправный до того момента, как его опустили в скважину. Вот этот идиотский способ глушения скважины при откачке воды из озера и привёл к неисправности УЭЦНа. Пойдём вместе посмотрим.

Они подошли к озеру, шланг от агрегата по земле уходил под воду, лёжа на грунте.

— Вот вам и картина маслом. Вместе с водой закачиваем песок в скважину. Мелкий песок забил все секции насоса при спуске и при подъёме установки, — резюмировал я. — Я в таких условиях опускать в скважину свою установку не дам.

— Пойдём к этому барану, который всё придумал, будем объяснять.

Пересказывать то, что произошло в вагончике у начальника ликвидации аварии, не стану. Никто из коллег не слышал такого красноречивого мата никогда в жизни, даже в армии. Мат с угрозами лился нескончаемой рекой, он бурлил, утихал и с новой силой выплёскивался на спокойно стоявших нефтяников. У Сергея не было сил не то чтобы возражать, а даже выслушивать. Володе было интересно слушать такие пируэты, он готов был даже записывать их, ведь за полчаса излияния нецензурных выражений МЧСник ни разу не повторился. Лично мне было противно видеть бездарного руководителя, который все свои ошибки переваливает на коллег. После очередной порции желчи и нецензурной брани начальник ликвидации аварии начал угрожать:

— Я сейчас позвоню вашему генеральному директору!

— Да хоть министру обороны, — мне уже порядком надоело выслушивать эту ересь.

— Я последний раз предупреждаю! Я считаю до трёх!

— А я бы на вашем месте вычеркнул эту фразу из резюме.

В ответ новая волна негодования с нецензурной бранью накрыла вагончик.

— Короче, орать можешь, сколько хочешь, я свою установку опускать в скважину с песком не позволю, хоть министру энергетики иди жалуйся. Если хочешь, чтобы я монтировал ЭЦН, заглуши сначала скважину как положено, соляным раствором, и лишь тогда вызывай меня на монтаж. Всё ясно? Разговор закончен! — Я не стал слушать возражений, вышел из вагончика, хлопнув дверью, другими словами, поставив жирную точку. Из вагончика доносились крики и угрозы: «Я вас всех уволю!» Надо отметить, угрозы не беспочвенные. Мастера бригады КРС перевели в помощники бурильщика.

Собрав свои инструменты, я сел в дежурившую вахтовку, попросил водителя отвезти меня к начальнику промысла. В штабе светились окна. *«Странно, только пять утра»*, — подумал я, направляясь в штаб. Оказывается, Вадим Петрович уже сидел за своим столом.

— Рассказывай, что у вас там стряслось? — без приветствия устало, по-стариковски встретил меня начальник. — Начальник ликвидации аварии уже позвонил мне по рации. Доложил своим диспетчерам о срыве работ по монтажу установки. Говорит много, говорит нецензурно, и совершенно непонятно, в чём суть дела.

Я достал акт, подписанный участниками демонтажа, и подробно описал причину заклинивания новой установки «Шлюмберже». Что именно из-за применённого метода глушения скважины, предложенного начальником ликвидации аварии, погружное оборудование стало неисправным. У меня, конечно, была надежда, что, когда станет известна причина незапуска ЭЦН, монтаж нового оборудования отдадут «шлюмбикам». Но чуда не случилось.

— Аркадий, даже и не надейся, — улыбнувшись, убил последнюю надежду Вадим Петрович. — Это уже согласовано на высшем уровне. Дела даже не в железе, а в специалисте, который эксплуатирует данное оборудование. Ты же должен это понимать. А вот по поводу глушения тринадцатой скважины... — Петрович помолчал, налил обоим чай, поставил чашку передо мной, достал пряники и конфеты в вазочке и только когда отпил второй глоток, продолжил: — Ты, конечно, на все сто процентов прав... Так и этак... Это должно быть по всем правилам и по регламенту. Но я в практике такого не помню на Холмистом, чтобы кто-то именно так глушил скважины. С другой стороны, командует окончанием капитального ремонта пре-

неприятнейший тип. Который уже на всех докладные написал. В том числе на меня и даже на наших водителей. Давай тогда поступим так: я поддержу перед руководством твоё вполне разумное требование. А там посмотрим, какое решение будет принято. Допивай чай и иди отдыхай. Я чувствую, что сегодня будет день сложных и напряжённых переговоров. Так что будь под рукой, подходи, наверное, к восьми часам, будем докладывать вместе про эту чёртову тринадцатую скважину.

Через два часа оранжевый диск солнца безжалостно светил высоко над горизонтом, но это был не домашний тёплый, а холодный свет. Воздух был наполнен влагой, от земли поднимались лёгкие испарения, и в этой влажной духоте роились тучи комаров и мошек. Они висели в воздухе едва заметной дымкой, подступали к лицу, звенели тоненько и настойчиво, словно крошечные колокольчики тревоги.

Вокруг простиралась лесотундра — ровная, бескрайняя, с редкими островками карликовых берёз и кустами полярной ивы. Кочки мха, покрытые росой, блестели, как рассыпанные бусины, а между ними темнели лужицы — рассадники этих неугомонных созданий. Ветер едва шевелил жёсткую траву, и только он мог на миг отогнать докучливый гнус, чтобы через мгновение тот снова сомкнулся вокруг, напоминая о суровой щедрости северной природы.

Я успел подремать и совсем не отдохнул. Спотыкаясь, пошёл в штаб. Телефон уже разрывался, стоило положить трубку, как он тут же звонил. Мы с Вадимом Петровичем по очереди докладывали о случившемся на разные уровни. Чем выше уровень, тем больше было понимание и меньше вопросов. Если непосредственный начальник участка кричал на меня в трубку, захлёбываясь слюной, требовал немедленно начать монтаж установки, а начальник цеха требовал решить вопрос на месте, дословно, «как-нибудь», то главный инженер «Новомета», выслушав доклад, спокойным ровным голосом поблагодарил меня за правильные действия.

Образовалась небольшая пауза, видать, в Ноябрьске шли жаркие переговоры технологов. Вздохнув с облегчением, я набрал номер любимой, так захотелось услышать хотя бы несколько слов. На радость мне, была перемена в школе у Вики, и мы проговорили целых пять минут. Разговор был как бы ни о чём, но ощущение нежности и радости отдалось теплом в груди у меня. Появились новые силы для борьбы на невидимом фронте. Выйдя из штаба, я запел:

Сегодня самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками.
Сегодня самый лучший день,
Сегодня битва с дураками!

К обеду страсти в верхах руководителей компаний в Ноябрьске утихли, остался вопрос: как найти соль на месторождении. По сводке, в районе хранения буровых растворов соли было предостаточно. Соль нашли, и бригада КРС приступила к заготовке раствора определённой плотности. Технологам важно было найти золотую середину в утяжелении раствора: чтобы он был не слишком тяжёлый, при освоении после ремонта будет труднее извлечь его из скважины, а лёгкий раствор скважина просто выплюнет с новым неконтролируемым выбросом.

Только на следующие сутки назначили монтаж установки. Я первый раз за свою практику не чувствовал неприятных запахов углеводородов, находясь над устьем открытой скважины. Работа по монтажу прошла ровно, менее чем за четыре часа я собрал ЭЦН, а через сутки с половиной запустил скважину в работу на частоте сорок два герца. Выше частоту поднимать нельзя, нужно было выкачать из скважины тяжёлый раствор. Токи превышали номинал, можно было сжечь двигатель, чего очень не хотелось никому на месторождении. Все только и мечтали покончить с этой несчастной скважиной. Через сутки токи снизились, пошла чистая нефть, я по программе в течение двух часов вывел частотник на пятьдесят герц.

Начальник аварийно-спасательного формирования улетел первым вертолётom после подписания акта запуска скважины. Ему на смену прислали нового мастера КРС. Работа пошла размеренно, без всяких эксцессов.

От тяжёлых нагрузок и круглосуточной работы, у меня постоянно невыносимо болели руки и спина, отчего очень часто просыпался по ночам. Порой казалось, что вахта никогда не закончится, время текло как густой кисель, останавливаясь и замирая.

Я сделал ещё четыре демонтажа и монтажа выведенных в ремонт погружных установок, восстановив весь фонд, закреплённый за «Новометом». Последний запуск станции произвёл за два часа до вылета с месторождения. Быстро доехали на вахтовке до базы, я забежал в вагончик, побросал вещи в чемодан, которые ещё не успел уложить. В этот момент над вагончиком послышался такой знакомый и долгожданный шум винтов. Мгновенно сложил свою робу в мешок и сунул в ящик под кроватью. Схватил чемодан и сумку с компьютером и выскочил на улицу, бегом побежал к уже заходящему на площадку вертолёту. Впереди пыль поднималась всё выше и выше, большой чемодан по песку было тащить невыносимо, перекосившись в противоположную сторону, я старался не тащить его по земле, тяжёлая сумка с компьютером была по другому боку. *«Главное — успеть»*, — мысль подстёгивала меня и не давала расслабиться. Только сейчас нужно забыть о болях, которые не унимались уже более двух недель.

Из последних сил спотыкаясь, выбежал на площадку, летевшая со мной вахта уже погрузилась в вертолёт. Напарнику крикнул, пробегая мимо него: «Всё прочитаешь в вахтенном журнале». Бросил чемодан в чрево вертолётa, Володя подал мне руку из салона, чтобы помочь взобраться. Внутри оставалось место только в хвосте. Проходя мимо Вадима Петровича, я нагнулся и прокричал ему в ухо: «Всё, последнюю станцию запустил». В ответ начальник промысла показал большой палец, по губам я прочёл похвалу: «Молодец», — и счастливая, на всё лицо, улыбка была искренней наградой. Я сел на деревянную лавку, пристегнулся и только тогда выдохнул полной грудью: *«Всё, улетаем домой»*.

Усталость накатила волной, тут же заныли все мышцы во всём теле, но расслабляться ещё рано, нужно дотащить багаж до поезда, там сутки отоспаться, и лишь тогда можно привести себя в норму.

В иллюминаторе проплывали привычные пейзажи заболоченной тайги с невысокими соснами и лиственными деревьями. Белые облака отражались в водной глади бесконечного количества озёр и речек. Шум в вертолётe давил и выворачивал изнутри, внутренности вибрировали. Так тяжело даётся свобода — вахта закончилась, а с ней закончились бесконечные проблемы с частотными станциями управления и с погружным оборудованием.

Вертолёт приземлился в Вынгапуре. Меня ждал Эдуард в рабочем уазике «Новомета». Эдик был очень похож на меня. Мы были одного возраста, одного роста, у нас были одинаковые причёски, на этом наше сходство, я думал, заканчивается. Однако на Вынгапуре нас постоянно почему-то путали. Сначала я на оклик «Эдуард...» отвечал: «Сам ты Эдик!», а потом плюнул на это дело и делал вид, что я и есть Эдик.

Мы обнялись, поприветствовали друг друга, я жестом попросил пять минут, а сам взял мобильник и тут же позвонил любимой. Вика обрадовалась, запричитала, пришлось прервать её, пообещав, что чуть позже перезвоню, как только сядем в поезд. Машину до Ноябрьска нам не дали, водитель довёз нас только до маршрутного такси. Мы погрузились в маршрутку.

Не прошло и пяти минут, как начал звонить телефон. Позвонил начальник участка: требовал меня заехать в контору на Вынгапуре, якобы расписаться в каких-то документах. Я популярно объяснил, что я уже в маршрутке еду в Ноябрьск.

— Наверное, поэтому нам не дали машину, — предположил Эдуард. — Они хотели, чтобы мы к ним заехали, прекрасно понимая, что времени на разговоры у нас нет, и так можем на поезд опоздать.

Через пять минут телефоны зазвонили одновременно. Эдуарду позвонил начальник участка, расспрашивая его, где мы едем. А мне позвонил начальник цеха из Ноябрьска. Он говорил о невыполнении указаний, о том, что на вахте нужно постоянно выходить на связь и принимать лично заявки на монтируемые установки. Я вроде пытался объяснить, что у меня не было времени элементарно на отдых, что постоянно пропадал на кустах, что спал всего по три-четыре часа в сутки. Но начальник цеха был настойчив, и он не слышал мои ответы.

— По приезде в Ноябрьск зайди ко мне, — жёстко приказал начальник цеха и положил трубку.

Я спрятал телефон, от злости меня немного потряхивало. Шрам над бровью побелел.

— Как же они все достали. — Я открыл окно, холодный осенний ветер с морозящим дождём ударил в лицо. — Начальник цеха приказал по приезде заехать к нему.

— Закрой, а то продует. Смотри, соседи уже озираются.

В маршрутке стало заметно прохладней, но я этот холод не ощущал, внутри меня от злости бушевал огонь — смерч.

— Он что, не понимает, что если я к нему заеду, то опоздаю на поезд и смогу уехать только завтра вечером? — рассуждал я вслух, закрывая окно. — Зачем мне нужно выслушивать его нотации: «Позвони мне, позвони!»? Сутки потеряю, а так хочется домой.

— И что будем делать? Уже все наши уехали. Мы же не виноваты, что из-за утреннего тумана вертолёты задержали. А саратовцы вообще ещё ночным поездом выехали домой.

— погоди! Мне начальник сказал дословно: «По приезде в Ноябрьск зайди ко мне». — Я уже нащупал ниточку логического разрешения задачи. — Ты понимаешь? «ПО ПРИЕЗДЕ», но я же УЕЗЖАЮ домой! А ПРИЕДУ только на следующую вахту. Значит, как ПРИЕДУ, так и зайду.

Мы рассмеялись, но камень на душе у меня всё-таки остался, я уже решил для себя, что никуда заезжать не буду, так как мне, по сути, не за что оправдываться. Поудобней усевшись, продолжил свой рассказ Эдуарду о самой тяжёлой вахте из всех, которые у меня были, о героическом восстановлении всего своего фонда скважин и о захвате скважин конкурентов.

— Получается, ты у «шлюмбиков» весь мехфонд под себя подмял? — заливаясь смехом, не мог успокоиться Эдик.

— Нет, им остались водяные скважины ППД, — невозмутимо ответил я, мне, честно говоря, было не до смеху. — Только не пойму, почему начальник цеха взелся на меня?

— Извини, но ты балбес, Аркаша. Ты серьёзно ничего не понимаешь?

— Нет, а что я должен понимать?

— Ты всю славу оставил себе, а сможешь ли ты её вынести, покажет время. Ты никому не звонил, своими действиями и планами ни с кем не делился. Начальник промысла о ходе восстановительной операции докладывал сразу наверх, а оттуда информация поступала нашему главному инженеру, при этом начальник цеха и начальник участка «Новомета» вообще не представляли, что происходит. И, естественно, ордена на грудь себе они никак не могли повесить.

— Ну и шут с ними, я ведь не для них, а для общего дела, для нашей фирмы делаю добро. А если бы я с ними общался и выполнял бы их дурацкие указания, то я бы и половины не успел бы сделать. Мне кажется, Диман этим и занимался, поэтому и был такой у него результат, как у «шлюмбиков».

Через три часа мы стояли на железнодорожном вокзале Ноябрьска в очереди. Поезд уже подошёл, а впереди ещё два человека, нервы сдавали, так и хотелось подвинуть очередь, растолкав всех локтями, но с умным видом делали вид, что мы никуда не спешим. Вот и долгожданное окошко, стараясь как можно вежливее, я протянул два паспорта, быстро скороговоркой продиктовал:

— Нам два билета, на вот этот поезд. — Показав рукой на стоявший на перроне поезд, я мягким голосом попросил: — девушка, только можно побыстрее.

— Есть только купе, — улыбаясь, промурлыкала она в ответ, по улыбке нельзя было понять истинное настроение кассирши.

— Берём, только побыстрее.

Девушка распечатала билеты и после оплаты протянула их с паспортами в окошко. Мы с чемоданами подбежали вприпрыжку к вагону, сунули билеты проводнику. Проводник сверил фамилии с паспортами, порвал в уголке билеты, как бы прокомпостировав их, и дал пройти в вагон. Мы разложили вещи и легли отдыхать на своих полках. Полвосьмого поезд тронулся — такой радостный момент — едем домой! Достав телефоны, позвонили родным и, уже не торопясь, разговаривали с любимыми жёнами, беседы длились до того момента, пока не прервалась связь.

Спустя три часа станция Когалым. Зашли двое вахтовиков, и начались разборки. Сначала было непонятно, почему на одно место было продано два билета. Позвали проводника. Крутили-вертели билеты, пока не заметили, что наши билеты были проданы на завтра. Кассирша, мило улыбаясь нам, изменила фамилии, паспортные данные в билетах, а дату не поменяла, перед нами по очереди женщина покупала билеты на тот же маршрут, только на завтра.

— Через двадцать минут станция Сургут, попробуйте поменять билеты на этот поезд, — предложил проводник. — Свободные места в купейных вагонах есть.

Так и решили, Эдуард побежал на вокзал, хорошо, что была длительная остановка на час, а я остался с вещами. Проводник постоянно подходил ко мне и требовал выйти на перрон, дожидаться своего товарища там. А я просто физически это сделать никак не мог: болели руки и спина, а одновременно вынести большой чемодан, две сумки под компьютеры и большую сумку товарища — нет, это было мне не под силу. Я как мог отговаривался, что сейчас всё решим — придёт Эдуард и перейдём в другой вагон, на свои новые места. Эдуард заскочил в вагон перед самой отправкой, ничего не говоря проводнику, дошёл до купе, где были вещи, и сел напротив меня.

— Хорошо, что ты багаж не вынес и сам не вышел. Билеты проводник прокомпостировал, и сдать их теперь никуда нельзя. В справочной мне сказали, что раз вагоновожатый вас посадил и билеты порвал, значит, пусть везёт на свой страх и риск.

Поезд тронулся, через минуту в купе заглянул проводник.

— Что, решили, на какой вагон поменяли билеты? — вежливо спросил он, мило улыбаясь.

— Ни на какой. Тут поедem, — ответил ему Эдуард. И прояснил проводнику всю ситуацию. Лицо проводника вытягивалось по мере рассказа, пальцы затряслись, глаза расширились, готовые выскочить из орбит.

— Я не могу вас везти, — заорал он, а потом совсем тихо пояснил: — Скоро будет проверка, и мне выпишут штраф.

— Решай сам. Получается, нашу проблему ты превратил в свою проблему. Пойдём к начальнику поезда, будем с ним договариваться.

— Нет, нет. Я сам схожу. — Проводник в ту же секунду растворился, как будто его и не было.

Мы с Эдуардом чувствовали себя не в своей тарелке. Было далеко за полночь, мы явно мешали коллегам разместиться удобно в купе, но и выходить из купе до разъяснения обстоятельств нам нельзя было.

— Наверно, кассирше позвонил начальник цеха, — пошутил Эдуард, — поэтому она нам билеты на завтра продала.

Ребята улыбнулись, но сил и настроения не было веселиться. Томительное ожидание нарастало. За окном проплывал дождливый осенний пейзаж, угнетая и так мрачное настроение. В проходе показалась фигура проводника, он тяжело ступал, раскачиваясь в такт стуку колес, лицо было пурпурно-красное.

— Берите свои вещи и пойдёте со мной. — Он развернулся и пошёл назад, не обращая внимания на нас. Нам пришлось догонять его, идя по узкому проходу с тяжёлым багажом. Проходя по второму вагону, проводник остановился и пояснил: — Идём в вагон начальника поезда, с вас по тысяче рублей. Это начальнику поезда, я с вас денег не беру.

— Хорошо, держи, — достали деньги и передали проводнику. Это был неплохой вариант, потому что билет в плацкартный вагон стоил чуть больше двух тысяч рублей, а в купе — около четырёх тысяч. Хотя общие затраты на билеты превышали у ребят все лимиты, так как оплачивали на работе только стоимость билетов от Екатеринбурга до Ноябрьска в плацкартном вагоне.

Нас разместили в опустевшее предпоследнее купе, уединение и тишина после нервного трёпки подействовали как снотворное. Пробуждение наше настало поздно, около одиннадцати часов пополудни, когда поезд остановился на станции Тобольск.

О, как кстати! Тобольск — последняя станция, где можно было на перроне купить дивные дары сибирской тайги, причём цены в Тобольске на эти природные сокровища были несравненно ниже, нежели на всех прочих полустанках обширной Западной Сибири. К сожалению, во время вахты мне не удалось собрать урожай, пришлось купить на перроне морошку, бруснику и клюкву. Но как же могло быть иначе? Ведь я обещал Настеньке купить ягод и слово своё сдержу.

На длительной остановке в Тюмени Эдуард предложил выйти прогуляться по перрону, вышли из купе, а там уже очередь собралась, весь вагон выходил на улицу. Мы шли последними, кто-то тихо подошёл сзади и очень громко крикнул в самое ухо Эдуарду: «Гав!» Эдуард от неожиданности подпрыгнул, я с разворота хотел врезать оплеуху шутнику, у меня промелькнула мысль: «Саратовцы». Но я вовремя остановил движение руки и замер, лицо мгновенно расплылось в дружелюбной улыбке. Перед нами стоял блюститель порядка в форме дорожной полиции. Мы, конечно, узнали друг друга. Старший лейтенант, похлопав Эдуарда по плечу и смеясь, сказал ему: «Вот и ты попался на „Гав!“», — и все расхохотались.

Дело было примерно год назад, по этому же маршруту мы возвращались с непростой вахты. Эдуард встретил знакомых и лишка выпил с ними. Коллеги положили его на верхнюю полку, пристегнули ремни, дабы он случайно не упал с неё. А сами продолжили долгие споры о технических новшествах в науке. Михаил Загорцев не на шутку разошёлся, доказывая свою струнную теорию. Ему пытался возразить Юрий. Я их слушал, понимая, что подливать масло в огонь бесполезно. Когда они совсем разошлись, я решил шутками успокоить коллег и, поймав секунду, когда в очередной раз Михаил делал глубокий вдох, наполняя лёгкие, громко произнёс:

— Теория — это когда всё известно, но ничего не работает. Практика — это когда всё работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает, и никто не знает почему!

Пока спорщики переваривали сказанное, глядя друг на друга, с верхней полки раздался заспанный голос Эдуарда:

— Прозвучало как тост.

В этот момент проходила с рейдом дорожная полиция. Эдуард, увидев серьёзные лица блюстителей порядка, не растерялся, он решил их рассмешить.

— Гав! — что есть силы крикнул он и, схватившись за ремни, резко свесился вниз. Лейтенант, подпрыгнув, шарахнулся в сторону. А Эдуард ему спокойно так: — Не бойся, я пристёгнут.

Полицейские шутку оценили, забрали Эдуарда с собой. Наверное, хотели, чтобы он их до конца маршрута веселил. Мы пошли выручать друга. Долго уговаривали лейтенанта не состав-

лять протокол. Полицейский потребовал принести паспорт Эдуарда. Я сходил за паспортом, протянул его лейтенанту. Тот, проверяя прописку, вдруг заулыбался.

— Надо же, Жириновский уже город себе купил. — Показывая печать своему коллеге, он прочитал город прописки: — Жириновск.

— Так точно, мы все из Жириновска, — подхватил идею я.

— Вот это да, — не унимался лейтенант. — Вот что, забирайте своего Эдуарда, Роберта и сделайте так, чтобы мы его долго-долго искали.

Так произошло то давнее знакомство. Выйдя на перрон, пересказывали друг другу смешные истории, которые случились с ними, с нами в вахтовом поезде давно и совсем недавно.

Дорога на вахту более интересна, после выходных постепенно встречаешь знакомых и сослуживцев. А с работы каждый пытается уехать пораньше, чтобы побольше побыть дома. Поэтому и сейчас мы едем с Эдуардом вдвоём. Мы задержались, и все коллеги уже уехали.

И мне почему-то вспомнилась дорога на вахту, тот момент встречи своих друзей из компании «Новомет», после которой мы уже расставались лишь затем, чтобы поспать. Совместно обсуждали проблемы на работе, проблемы с ремонтом оборудования и пути их решения. Раньше все мы работали на одном участке, где по-настоящему сдружились. Доехав вместе до вахтового посёлка Вынгапуровского, разлетимся по разным месторождениям. И только через месяц вахты мы должны были встретиться снова в поезде.

Вагонные споры — последнее дело,
Когда уже нечего пить.
Бутыль опустела, и тянет поговорить...

Обычно мы разговаривали о работе, о том, как лучше и быстрее расклинить погрузную установку, о том, как быстрее отремонтировать частотный привод в полевых условиях. А в соседнем купе шли житейские разговоры о жизни вахтовиков. Я сидел на боковушке нашего купе, поэтому был невольным слушателем излиятия душ.

— Моя жена, как только я выхожу из дома на вахту, тут же обзванивает своих подружек, договаривается о встрече. У неё начинается продолжительная гулянка с пьянками и танцами до утра. Приезжаю домой через месяц, а она не может остановиться, всё пьёт и пьёт. Пытался и кодировать, и лечить традиционными способами — никак не сдаётся зелёный змий, — тяжело вздохнув, добавил рассказчик. — Не знаю, что делать.

— Я вот на неделю раньше приехал домой, — начал свой рассказ рыжий коллега. — Не стал говорить, что у меня перевахтовка¹⁸, думал, приеду раньше с отпускными, приятный сюрприз будет. Как говорится, сюрприз удался. Захожу я в квартиру, а на кухне мужик в трусах полы моет. Выгнал обоих из дома, а на следующий день подал на развод.

— А у нас в бригаде когда товарищ разводился, то с отдыхающей вахты не приехал. По протоколу вышел якобы несчастный случай — вывалился из окна, когда окно мыл. Ну это же надо заставить Кольку в конце ноября окна мыть, ни за что не поверю. А вот кто в его смерти виноват, даже искать не надо — квартира досталась его жене, с которой он не успел развестись. Так что, пока не развёлся, будь осторожней.

— У меня противоположная история — жена подала на развод. Надо же было ей поехать к своей школьной подруге, когда я был на вахте. Она думала тоже мне приятный сюрприз сделать, погостить у подруги до конца моей вахты и назад вместе поехать. Приехала рано утром поездом, подруга ей открыла дверь, они сели на кухне чай пить, свои бабские разговоры вести.

¹⁸ Это когда одна бригада, отработав вахту, уезжает, а другая бригада заступает на вахту. На вахте возможны пересменки, когда работают в две смены. На вахте режим работы по 12 часов, но в авральные работы приходится работать больше, так как смены тебе нет, а работу выполнить нужно.

Беседуют, значит, а тут я из спальни выхожу — на работу же собираться нужно. В дверях в халате так и приклеился к полу. Я ведь даже и не знал, что они подруги. Выгнали меня обе. Пришлось по морозу с чемоданом, по колено в снегу, в общагу тащиться через весь посёлок. И с вахты возвращаться оказалось теперь некуда. Вот так было две жены — одна в вахтовом посёлке, другая дома, а теперь ни одной, ни другой.

— А я как приеду домой, так и чувствую себя чужим, прям не могу, от жены воротит — все её манеры говорить, повадки, ну прям всё раздражает. Честно скажу, жду не дождусь, когда отдыхающая вахта закончится.

Важно за таким застольем не только излить свою боль, но и выслушать товарища. И тут каким-то чудом на столике купе появляется спиртное. Все за столом повеселели, каждый пытался залить свои проблемы, своё горе этим едким напитком. Уйдя вечером от напившихся проблем, проснувшись утром с тяжёлым похмельем, понимаешь, что проблемы не рассосались, к ним добавилась тошнота и головная боль. Когда я начинал ездить по вахтам, мне казалось, что похожая судьба меня не коснётся, что это происходит с какими-то другими людьми, но ни со мной, ни с моими товарищами такого произойти не может. О боже, как я заблуждался.

Вспоминая разговоры вахтовиков, я задумался о любимой. Закрыв глаза, представил её образ: распущенные светлые волосы развеваются на ветру, добрая, нежная улыбка и этот пронизывающий взгляд тёмно-зелёных глаз. Тоска охватила меня. *«Как всё-таки мало мы бываем вместе. Наверное, нужно нам взять путёвку для двоих и уехать от домашней суеты на море. Где не будет ни работы, ни хлопот, будем только я и Вика, море и белый песок, солнце и пальмы»*. Под стук колёс я задремал.

Дальнейший путь до Казани прошёл без приключений, только проводник по-прежнему приходил по пять раз в день и плакался, что в этом месяце остался без премии, просил сначала тысячу как компенсацию для себя, затем пятьсот рублей. Чтобы он успокоился, мы дали проводнику эту сумму, и он, радостный, растворился и больше нас не тревожил.

В Казани — пересадка на другой поезд. Впереди ещё сутки с половиной в дороге. Несколько дней в пути, наполненных тихими разговорами и жаркими спорами с Эдуардом, незаметно сокращали расстояние до дома.

За окном вагона менялся пейзаж. Из Ноябрьска нас провожала осень — хмурая, угрюмая, кто-то скажет «задумчивая»: холодный дождь мягко стучал по крыше вагона, жёлтые листья кружились в последнем танце, а тундра, хоть и казалась понурой, таила в себе особую северную красоту.

Чем ближе к дому, тем светлее и веселее становилась на душе — природа словно отвечала взаимностью. В средней полосе России нас сопровождали обильные луга с сочной тёмно-зелёной травой, а за ними мелькание зелёных, изумрудных лесов, полных птичьих голосов. А вскоре нас встречала знакомая засохшая степь — не унылая, а родная, с серовато-жёлтой травой, колышущейся под тёплым ветром, как бескрайнее море.

Ж/д вокзал Саратов — автовокзал Жирновск. Только поздно вечером я увидел в окно такси свой дом, такой родной и милый, с плетущимся по дому начинающим краснеть диким виноградником, окружённый зелёными соснами, посаженными ещё при строительстве дома.

Такое волнительное чувство испытываешь, оказавшись на пороге родного дома. Дом, каким бы он ни был скромным, маленьким, для любого члена нашей семьи он был и есть самое дорогое место на земле. Он наполнен такой любовью, таким счастьем, что в каких бы краях любой из нас ни странствовал, сколько бы времени ни прошло, сердце всё равно тянется к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом — убежище для души.

Поднявшись по клинкерным ступенькам на крыльцо, с трепетом открыл дверь, опустил чемодан и сумку на пол, обнял и поцеловал подбежавшую супругу. Мы стояли, обнявшись, и не могли друг от друга оторваться несколько минут. *«Кажется, прошла целая вечность, а ведь*

утром, проснувшись в своей постели, буду чувствовать, что всё, что произошло на вахте, — просто страшный сон, который хочется поскорей забыть».

— Вика, — прошептал я. — Ты не представляешь, как я устал за эту вахту. И как я истосковался по твоим объятьям. Времени скучать не было, но только сейчас я понимаю, что усталость связана ещё с тоской по дому и по твоей улыбке, любимая.

— Иди мойся, а то от тебя поездом пахнет. А я сейчас быстро накрою на стол.

Она отстранилась, но лишь на мгновение, чтобы напомнить о реальности:

— Кстати, тебе Александр вчера звонил, просил срочно перезвонить.

— Какой ещё Александр? — спросил я, пытаюсь понять, кто мог звонить.

— Переценко, он что-то про какую-то платформу говорил.

— Да? Сто лет его не слышал. Ладно, завтра с утра позвоню ему.

— А Настя уехала на сессию?

— Да, уже две недели как.

— Хорошо тогда, через пару дней съездим к ней, отвезём таёжных гостинцев. Морошку я сразу пересыпал с сахаром — так она дольше сохранится. Хотя, боюсь, больше двух дней она не выдержит.

Мы постояли ещё немного, наслаждаясь последними мгновениями тишины перед началом будничных забот.

Глава третья. Смена работы

Тёплый луч солнца мягко прикоснулся к лицу — приятно проснуться ранним утром дома. Колышущаяся на ветру занавеска играла солнечными зайчиками. Огненный диск Солнца светил высоко над горизонтом, на ярко-голубом небе не было ни единого облачка. Ни ветерка, ни малейшего дуновения воздуха, даже листья не шевелились. Природа словно замерла в ожидании бури. «*Момент истины*», когда нет физического видимого воздействия извне на окружающий мир. Такая стояла тишина, что было слышно, как жужжат осы под окном, кружа над спелым виноградом. Листья на деревьях уже начали увядать, добавив жёлтых красок в зеленеющие рощи. А листья дикого винограда, оплетающего забор и веранду дома, окрасились в тёмно-бордовый цвет. Природа радовала своими красками и оттенками — вот она какая, золотая осень.

— Какая благодать! — вслух промурлыкал я, потягиваясь в постели. Как хорошо проснуться дома в первый день отдыха. После трудной вахты с бессонными ночами, с рабочей нервотрёпкой и после утомительной дороги — такое блаженство ощущать отсутствие спешки и суеты.

Умывшись и позавтракав, я взял трубку и набрал номер Александра Переценко. Обменявшись приветствиями, Александр предложил приехать к нему домой после трёх часов для очень важного разговора. А в конце он добавил, ослабив интригу:

— Я порекомендую тебе работу у себя, после нашего разговора скажу тебе вакансию, на которую ты подходишь. Договорились?

— Хорошо, к трём часам подойду.

Вышел я из дома пораньше, хотелось не спеша пройти пешком, подумать над непростым выбором — стоит ли вообще менять место работы или нет. Шёл я знакомой дорогой через сосновую рощу, посаженную горожанами в шестидесятых-семидесятых годах вокруг города нефтяников Жирновска и в его парковой зоне. Сосны выделяли благоухающий запах смолы в чистый целебный воздух. Было приятно идти между ровными рядами деревьев по мягкому ковроу опавших иголок. Летний, лёгкий горячий ветерок усиливал концентрацию хвойного запаха, солнце с трудом пробивалось сквозь лохматые ветки.

Александр встретил меня крепким рукопожатием, пригласил в комнату, где мы сели вокруг журнального столика, на котором стоял ноутбук. Александр как бы для приличия спросил, как у меня дела, но было видно, что ответ его совершенно не интересует, а потом вообще на полуслове прервал меня и начал рассказывать о платформе. Он открывал файл за файлом, показывая схемы и чертежи на ноутбуке. Но при этом не забывал расспрашивать меня о принципах работы того или иного оборудования. Дойдя до вопросов релейной защиты и автоматики, с улыбкой добавил:

— Зачем я тебя об этом буду спрашивать, ты ведь больше меня релейку знаешь.

— Это бесспорно, десять лет в электротехнической лаборатории не прошли даром, — улыбнувшись, ответил я, вспомнив, как помог Александру сдать экзамен главному энергетiku при устройстве на платформу. Тогда был самый первый набор, один из вопросов звучал так: «Расскажи принципы действия токовых реле РТ-40, РТ-80 и чем отличаются они от реле напряжения». Александр тогда прибежал ко мне в лабораторию, и я подробно описал ему работу всех реле, применяемых в энергетике. Так Александр стал руководителем направления энергетического комплекса на платформе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.